

НОРДИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

Ю. Ф. Леманс Ферлаг. Мюнхен-Берлин, 1927 г.

Ганс Ф. К. Гюнтер

01. Пробуждение нордической идеи. Мировоззренческие основы нордической идеи
02. Злоупотребление расовой идеей и ее неправильное понимание. Обвинения в адрес нордической идеи
03. Нордическое движение и суть нордической идеи
04. О «ценности» человеческих рас
05. Раса, смешение рас и цивилизация

Рекомендуется студентам исторических, педагогических и философских факультетов.

01. Пробуждение нордической идеи. Мировоззренческие основы нордической идеи

Нордическая идея начала осознавать себя в 1853-55 годах, когда граф Артур Гобино (1816-82) опубликовал свой «Очерк о неравенстве человеческих рас», труд, в котором впервые было указано на значение нордической расы в жизни народов, говорящих на индоевропейских языках. (Поскольку этот труд из-за его большого объема многие не читали, мы рекомендуем краткие изложения основных идей Гобино. На значение работ Гобино указывает Шеман в своей книге «Расовые труды Гобино», 1910.) Для расовой идеи, особенно для нордической идеи Гобино остается «великим предшественником» (Ойген Фишер).

Поэтому всегда нужно помнить о человеке, который практически спас имя и идеи Гобино от забвения и показал их значение. Людвиг Шеман (р. 1852 г.) имел право назвать часть своей автобиографии, вышедшей в 1925 г. «Поход за Гобино». В 1894 г. Шеман основал Общество Гобино и в 1919 г. подвел итоги его 25-летнего существования. В 1898-1901 годах на немецком языке вышел переведенный Шеманом главный труд Гобино, который оказал сильное влияние.

На переломе веков началось возрождение расовой идеи и осознание ее как нордической идеи, новой идеи, выходящей за рамки мира идей XIX века. Именно нордическая идея встретила упорное сопротивление всех идейных масс и массовых идей, задававших тон в XIX веке. **Неравенство человеческих рас, на которое впервые указал в 1845 г. Густав Фридрих Клемм в своей книге «Распространение активной человеческой расы по земному шару» и которое потом доказал Гобино, было учением, совершенно противоположным духу XIX века.** «Природное равенство» всех людей из книг Руссо перекочевало в «Декларацию прав человека» французской революции и в Декларацию независимости США и превратилось в неоспоримый символ веры. XIX век сделал человека продуктом среды. Еще в 1860 году Бокль (1821-62) сводил физические и психические свойства отдельных людей и народов почти исключительно к влияниям среды, а Джон Стюарт Милль (1806-73) называл «пошлыми» попытки выявить врожденные природные различия между людьми. Учение Руссо о равенстве и учение Гобино о неравенстве еще долго будут противостоять друг другу. И нужен переворот в мировоззрении, чтобы люди поняли, сколь «пошло» делать человека продуктом среды.

Учение о неравенстве подкрепили к концу XIX века этнографические и исторические исследования, которые противопоставили рационалистическим представлениям эпохи Просвещения о едином «роде разумных существ» все многообразие рас и народов, причем были показаны и их глубокие психические различия.

В 1883 г. Карл Пенка выпустил «Origines ariacae», а в 1886г. «Происхождение арийцев». В этих работах он опроверг господствовавшее тогда мнение о происхождении «арийцев», (т.е. народов, говорящих на индоевропейских языках) из Азии. Он доказал, что их прародиной была Северо-Западная Европа, а первоначальным расовым типом – нордический. Независимо от Пенки к тем же выводам пришел Людвиг Вильзер (1850-1923) в своей книге «Происхождение немцев» (1885 г.).

Но в этих работах ничего не говорилось о ненордических компонентах европейских народов. Первые работы на эту тему – **«Расы и народы Земли» русского расолога Деникера (1898-99)** и «Расы Европы» американского расолога Рипли (1899).

На переломе веков вышла книга Хаустона Стюарта Чемберлена «Основы XIX столетия», оказавшая влияние на самые широкие круги, и книга «Ариец и его общественная роль» Жоржа Ваше де Лапужа (обе в 1899 г.). Тогда же Отто Аммон (1842-1915) закончил свои начатые в 1885 г. исследования и выпустил «Антропологию баденцев», а до этого – «Естественный отбор среди людей» (1893) и «Общественный порядок и его естественные основы» (1895) – книгу, которая стала вехой в истории расовой гигиены. Расовая идея и понимание значения нордической расы объединяли его, как пишет его дочь в его краткой биографии, с Шеманом и Лапужем. Он первым в Германии указал на значение работ Гальтона. Расовая идея свела его с Л. Вильзером и Людвигом Вольтманом (1871-1907).

В 1901 году вышла книга «Варуна. Закон подъема и упадка жизни в истории народов» Виллибальда Хенчеля, в которой положения расовой теории и расовой гигиены доказывались на примерах из истории народов. В 1904 г. вышла книга Вильзера «Германцы», в 1903 г. «Политическая антропология» Вольтмана, в 1905 и 1907 годах его же «Германцы и Ренессанс в Италии» и «Германцы во Франции». Вольтман основал «Политико-антропологический журнал», который просуществовал до 1922 года. В начале века венгр фон Уйфалви опубликовал в специальных журналах на французском и немецком языках свои исследования о роли нордической расы в жизни индийского, персидского, греческого и македонского народов. В 1905-06 гг. вышла книга «Европейская расология» Карла Рёзе. Его вывод: «Нордическая расовая составляющая немецкого народа является главной носительницей его духовной силы».

На пользу расовым исследованиям пошло то, что этнография на переломе веков занялась, наконец, самой Европой. В 1898 г. вышла «Немецкая этнография» Э. Г. Мейера. Помощь им оказало и языкознание. Адальберт Кун еще в 1845 г. пытался с помощью лингвистических средств найти ответ на вопрос о прародине индоевропейцев. В 1859 г. Август Шлейхер в своем «Немецком языке», сравнивая индоевропейские языки, пытался создать образ «пранарода». Но обоснованные ответы на эти вопросы удалось найти лишь на переломе веков. В 1902 г. Маттеус Мух выпустил книгу «Родина индогерманцев в свете доисторических исследований». Этот языковед впервые предположил, что прародиной индоевропейских племен была Северная Германия. В 1905-07 гг. Герман Хирт в своем труде «Индогерманцы» передвинул ее к Балтийскому морю. Как Мух, так и Хирт указывали при этом на нордическую расу как на первоначальное ядро индоевропейцев. В 1908 г. появились книги «Боги германцев и их саги о богах» фон дер Лейена и переведенная с датского «Нордическая духовная жизнь» Акселя Ольрика. Все больше осознавалось значение доисторических исследований. В 1909 г. Густав Коссинна создал специальное общество для занятия этими исследованиями.

Внимание расовым вопросам традиционно уделяли евреи. В 1908 году, когда еще немногие немцы знали о расовых исследованиях, еврей Вальтер Ратенау указывал в своих «Размышлениях» на выводы из этих исследований, совпадающие с нордической идеей. Ратенау писал уже тогда: «Задача грядущих времен – возрождение вымирающих или истощенных благородных рас, которые нужны миру. Нужно вступить на путь, на который уже вступила сама природа, – на

путь «нордификации». «Грядет новая романтика – романтика расы. Она будет прославлять чистую нордическую кровь и создаст новые представления о добродетели и пороке».

В вышедшей в 1904 году книге Эльзенханса «Расовая теория Канта и ее непреходящее значение» говорилось, что идея расовой сущности особенно близка современному кругу интересов, что расовый вопрос для историков стал одним из важнейших факторов. Столь сильное влияние оказали перевод Шемана и книга Чемберлена. Наука о наследственности поставила идеи Гобино на научную основу. В 1891 году Вильгельм Шалльмайер (1857-1919), не зная работ Гальтона, выпустил книгу «О грозящем физическом вырождении», но он исходил из представлений о наследственности, обоснованных Ламарком (1774-1829).

Символично, что на переломе веков законы наследственности, открытые Иоганном Менделем (1822-84), заново открыли независимо друг от друга де Фриз, Корренс и Чермак. Тогда же начали свое действие и идеи, которые высказал в своих «Основах расовой гигиены» (1895) Альфред Плётц, переработавший идеи «отца евгеники» Фрэнсиса Гальтона (1822-1911). Плётц основал в 1904 г. «Архив расовой и общественной биологии» (которым сегодня руководят он и Ленц), а в 1905 году – Немецкое и Международное общество расовой гигиены. Он писал тогда: «Мы должны чувствовать себя рыцарями жизни, прекрасной и мощной жизни, из которой возникает все земное счастье и победоносное устремление которой ввысь только и дает нам надежды на будущее, на золотой век, который люди относили в прошлое».

В 1904 г. вышла книга Гротьяна «Социальная гигиена и проблема вырождения», в 1903 г. – «Наследственность и отбор» Шалльмайера. Следует отметить, что Шалльмайер был противником нордической идеи. При его сильной склонности к социализму в его социал-демократической форме каждое выступление за нордическую расу казалось ему «реакционным аристократизмом». У Шалльмайера была явная антипатия к нордической сути и симпатия к китайской. Он считал, что китайская цивилизация создает наиболее благоприятные предпосылки для расовой гигиены. В 4-м издании его книги содержится такой пассаж: «Создание для нордической расы особо благоприятных условий по сравнению с другими расовыми элементами немецкого народа не входит в евгеническую программу...»

«Наследственность и отбор» Шалльмайера была важнейшей работой в области евгеники до 1922 года, когда вышли «Основы учения о человеческой наследственности и расовой гигиены» Баура, Фишера и Ленца...

...Так еще до начала нашего века прокладывал себе дорогу идейный мир будущего. Для него проблема «улучшения человека», которую прошлый век пытался решать посредством образования и улучшения среды, обусловлена наследственными задатками и отбором. Если XIX век верил в «прогресс человечества» согласно решениям парламентского большинства, то для XX века возвышение человека возможно только в результате умножения ценных наследственных задатков... XX век должен произвести переоценку понятия «образование» и «воспитание». Со времени упадка древней Греции, эллинистической, александрийской эпохи, не было другого, столь же «образованного» столетия, как XIX век, и не было эпохи, все «идеалы» которой потерпели бы столь жалкий крах. О ее воспитании можно судить по ее плодам – по самим людям. Достаточно сравнить западных европейцев начала и конца XIX века. Гёте это предвидел, но действительность превзошла его ожидания. Он предсказывал, что свобода превратится в сплошной произвол. Любое образование и воспитание – XIX век этого не учел – должно быть в конечном счете направлено на то, чтобы держать человека в повиновении. А XIX век имел точно такие же представления об образовании, которые погубили Элладу: софизм, отрицание всех ценностей, безграничная свобода отдельной личности, которую в XIX веке назовут «индивидуализмом». У софистов это выражалось в тезисе «Человек – мера всех вещей».

XX век должен иначе понимать образование и воспитание. Дух XIX века справедливо называли механистическим; этому духу нужно противопоставить новое, органическое понимание жизни. Первым указал на это Холле: в 1911 году он написал, что на смену веку техники идет век биологии. А Геббель еще в 1843 году рекомендовал: «Было бы хорошо, если бы человек больше занимался своей естественной историей, чем историей своих деяний».

Механистическим было мышление XIX века, который рассматривал индивидуализм как высшее достижение человеческого духа. Новая эпоха требует от человека полной ответственности перед прошлыми и будущими поколениями. Он может настолько испортить свое тело и душу, что загрязнит исходящий от него поток жизни или вообще будет не в состоянии передать эстафету жизни, как говорил Платон...

Целью воспитания не должно быть усвоение тех или иных знаний... цель воспитания – сам человек и его возвышение. Перед концом века образование превратилось либо в самоцель, наслаждение, искусство для искусства, либо в средство достижения индивидуальных целей («знание – сила»). Люди прятались от настоящей жизни в искусственную и кончалось это печально, как в «Портрете Дориана Грея». Другие хотели подчинить себе жизнь, стать господами и использовали образование как оружие в «борьбе за существование» – так они называли борьбу за власть и значение и называли неправильно: они побеждали как личности, поднимались по социальной лестнице, но в борьбе за существование решающее значение имеет рождаемость, а здесь-то эти «победители» как раз и проигрывали, а побеждали «пролетарии». Это становилось серьезной угрозой для жизни народов, как признавал евгеник и социал-демократ Гротьян («Снижение и регулирование рождаемости», 1921 г.): «Нынешнее состояние, при котором высшие слои пополняются не столько за счет собственного размножения, сколько за счет притока из низших слоев, со временем приведет к тому, что нация обеднеет людьми способными, одаренными, с сильной волей».

Образование XIX века способствовало подъему отдельных лиц из низших слоев, но параллельно с этим все ниже становились цифры рождаемости у лучших представителей всех слоев.

XX век задает вопрос, не был ли хваленый «прогресс» XIX века на самом деле регрессом, и можно ли называть «культурой» то, что убивает в народах их лучшие наследственные качества?

XIX век разрушил старые мифы и воздвиг вместо них фабрики и магазины, банки и учреждения, набитые сотнями чиновников. Метания людей между ними сначала назывались «свободной игрой сил», потом заговорили о «Евангелии труда». Но труд стал бессмысленным, потому что он из года в год истощал наследственные силы и приносил пользу не всем людям, а только банкирам. Тучи эгоизма становились все темней, образ человека – «подобие Божье» – все отвратительней, и это называлось «культурой»!

Гельдерлин еще в начале XIX века (в стихотворении «Архипелаг») показал всю бессмысленность и бесплодность подобной суеты:

Увы! Блуждает во мраке, живет словно в Орке
Без Бога наш род. Сам себя понукая,
Слышит лишь шум заводской и работает, как сумасшедший,
Не отдыхая, но из года в году все бесплодней
Трудится нищий и все ж остается по-прежнему нищим.

25 августа 1900 г. умер Ницше. В 1889 году он сломался в борьбе за образ нового человека (см. Гильдебрандт. «Вагнер и Ницше. Их борьба против XIX века». 1924 г.). Он видел смысл всей цивилизации в возвышении человека. «К человеку снова и снова влечет меня моя пылкая

творческая воля» («Так говорил Заратустра»). Вся его воля к возвышению человека воплотилась в его мечте о «сверхчеловеке», которая его и надломил. Его дух был устремлен в новый век и к нему прислушивались все те, кто не был, подобно «образованным филистерам», как называл их Ницше, доволен образованием и прогрессом XIX века. Ницше душило отвращение, когда он ощущал запах вырождения («декаданса»), исходящий из всех пор эпохи...

В истории возвышения человека путем отбора Ницше занимает место между Дарвином и Менделем. Многие его взгляды стали возможными благодаря учению Дарвина, а работы Менделя показали несовершенство многих его взглядов (см. Э. Кирхнер. Учение Ницше в свете расовой гигиены. «Archiv für Rassen- und Gesellschaftsbiologie», т. 17, вып. 4, 1926 г.). Хотя многие детали учения Ницше нуждаются в уточнениях, непреходящее значение сохраняют его убежденность в усиливающемся загнивании Запада и его призыв к «Великому здоровью». По мере умолкания воплей вокруг Ницше все более четко вырисовывается его образ на фоне прошлого века, тем выше поднимается он над пустотой немецкой духовной жизни. Это была вторая воистину творческая личность после Фридриха Геббеля. От Геббеля через Ницше ведет путь в будущее, путь духовной жизни, которому в биологических науках соответствует путь от Дарвина через Гальтона и Менделя.

Геббель осознал необходимость явления Ницше, когда писал: «Истинно значительный человек не может родиться в эпоху, которая делает для него невозможным проявление его великих сил. Тусклый, обессиливающий, пустой век – самое подходящее время для выполнения им своей миссии» (Дневник, 13.4.1837). Все ясней должно становиться, что всякий прогресс наук и искусств превращается в пустую игру, если одновременно вырождается сам человек. Так же относился к «прогрессу» и Ницше. Он писал: «Что значит все наше искусство, если у нас исчезло высшее искусство – искусство праздников!» Настоящие праздники возможны только в обществе совершенных людей. Нынешние «праздники» показывают, насколько искажен образ человека нашего времени. Красота тела и души воспринимается как редкость.

Общество совершенных людей невозможно в эпоху расовой мешанины, оно может быть создано только при единодушном устремлении к одинаковому идеалу человека. Лучших из немцев, Гете и Шиллера, Гельдерлина и Ницше не случайно влекла к себе древняя Греция. Это была не «романтика», а сознание того, что бытие любого народа всегда может иметь лишь один смысл: возвышение человека.

«Письма об эстетическом воспитании человека» Шиллера призывали воспитывать не умение наслаждаться произведениями искусства, а цельность и умение воплощать «живые образы». Целью воспитания должен быть совершенный человек. Классическим воплощением идеала была для него древняя Греция. Целью Шиллера было не «всеобщее образование». Он говорил: «Главное значение произведений греческого искусства заключается в том, что они учат нас, что когда-то были люди, способные творить такие вещи». Для сторонников нордической идеи речь идет об образцах для отбора. И не к образованию, а к жизни, подобной жизни древних греков, взывал Гельдерлин: он мечтал о героях.

XIX век отошел от этого стремления к цельности. Свое убожество он пытался скрыть, насмехаясь над «идеологами» прошлого. Прошлое для века, слепо верящего в прогресс, всегда было неполноценным. Томас Карлейль (1795-1881), которого нордическое движение очень уважает, всеми силами боролся против тенденции своего века, но этот век душил и таких сильных людей как он.

В Германии после победы в войне 1870-71 годов и экономического подъема были люди, которые думали об особой миссии, а не о «счастье». После того, как в 1924 году впервые были изданы полностью «Письма к немецкому народу» Пауля де Лагарда (1827-91), стало

ясно, каким учителем и пророком мог бы стать Лагард, если бы прошлый век захотел его услышать.

В 1900 году вышла книга, которая во многом приближалась к нордической идее. Она называлась «Рембрандт как воспитатель». Имя автора указано не было. Книга вызвала сенсацию. Пытались открыть, кто автор, прослеживали сильное влияние, с одной стороны, Ницше, а с другой – Лагарда, даже приписывали авторство Лагарду. Но автором оказался Юлиус Лангбен (1851-1907). Достойным памятником ему стала его биография, написанная его другом, бенедиктинским монахом Ниссеном «Рембрандтовский немец» (1926).

Эта биография показывает, что Лангбен был близок к тому, чтобы признать нордическое начало не только как духовное направление, но и в расовом смысле определенных физических и психических наследственных задатков. Лангбен всюду видел проявление расового начала, он искал духовные ценности, целиком относящиеся к духовному миру нордической расы. Его книга означала разрыв с вырождением XIX века. Лангбен хотел помочь немецкому духу, духу всех германоязычных народов вновь обрести самого себя. «Народность» Лангбена означала комплекс физических и психических свойств определенного типа. Он искал взаимосвязь между определенными психическими наследственными задатками и определенным наследственным внешним обликом. Он верил, что немецкую жизнь обновят жители Нижней Саксонии. Он мечтал о союзе германоязычных народов, лидером которого будет перспективная «северо-западная раса».

Противоречие в жизни и учении Лангбена заключается в том, что он, с одной стороны, всегда подчеркивал значение народа, а с другой, пытался совместить с этим ницшеанский аристократизм. Его демократические убеждения вступали в спор с аристо-кратическими. Но нордическое общество всегда было обществом отдельных личностей, которые стремились стать тем, что Ницше называл аристократией. Нордическая раса всегда была расой, способной выделить из своей среды аристократию, даже из крестьян или бедняков. Лангбен призывал обновить немецкий народ меньшинство немецкой молодежи как «аристократическую партию в высшем смысле слова».

Из нордической сути проистекали и его государственные установки. Он считал необходимой «третью реформацию» и понимал под этим возврат к наследственным ценностям нордической души. Его идеи о «социальной аристократии» перекликаются с идеями Платона. Но Лангбен не дошел до такого глубокого понимания жизненных процессов, как поздний Платон. Он не понял идею отбора. В Лангбене еще оставалось слишком много от романтика, слишком много ностальгии по прошлому. Подобно многим северно-германским романтикам, он перешел в католицизм...

В 1893 году вышла, также анонимно, основанная на идеях Ницше книга Александра Тилле «Служение народу. О социал-аристократах». Знали Лангбен и Тилле друг друга или пришли независимо друг от друга к одной и той же терминологии, но идея носилась в воздухе. Тилле прямо возводил ее к Платону. В 1895 г. Тилле выпустил книгу «От Дарвина до Ницше» с тезисом: «В будущем нравственным будет считаться то, что не противоречит благу расы». Это была попытка по крайней мере призвать к переоценке ценностей с биологической точки зрения, примета переворота в мировоззрении. Будь Лангбен меньше романтиком, этот призыв мог бы исходить от него.

На переломе веков повсюду пробуждался новый дух. Это выражалось и в движении за трезвость, имевшем более или менее четкие представления о наследственности и пагубном влиянии на нее алкоголизма. В 1897 г. Карл Фишер основал движение «Перелетные птицы», в чем выразились душевные силы тогдашней молодежи. Молодежное движение было прежде всего проявлением нордической расовой души. С жизни был сброшен слой мусора,

насыпанный XIX веком. Но расовые инстинкты выражались в молодежном движении еще бессознательно.

Сознательно расовой и германской была направленность союза «Митгарт». Его основал в 1906 г. Виллибальд Хенчель. То, что он тогда называл «германской» расой, соответствует тому, что мы сегодня называем нордической расой. Союз Митгарт видел «путь к обновлению германской расы» в устранении из процесса размножения мужчин с ненордическими и неполноценными наследственными задатками. В поэтической форме цели этого союза изложил Герлах. Союз не соглашался с тезисом Ленца: «Обязательной предпосылкой расово-гигиенической политики является сохранение брака и семьи». Формы брака, которые предлагал Митгарт, были неприемлемыми для большинства людей. Путь союза Митгарт был лишь одним из возможных путей к нордизации немецкого народа. Союз много сделал для пробуждения расового сознания. Он издавал журнал «Дер Хютер» («Хранитель»). Из всех аналогичных союзов он один достиг известности до мировой войны. Другие такие же группы не говорили вслух о значении нордической расы, так как боялись внести раскол в немецкий народ...

Расовая идея начала распространяться после войны, а в последние годы пробудилась нордическая идея. В молодежном движении были и противоположные течения, например, группа «Мир и человечество», которую в 1913 году возглавил Винекен, но в том же году Ленц прочел молодежи доклад «Расовые ценности в эллинской философии».

Потом разразилась мировая война. Это был тот антиотбор, о котором писал шведский писатель Роберт Ларссон. Он коснулся, прежде всего, нордической расы.

Послевоенное поколение снова вспомнило об идее новой аристократии: «О, мои братья, я жалую вас в новую аристократию, что показываю вам: вы должны стать созидателями и воспитателями, – сеятелями будущего, – поистине, не в аристократию, что могли бы купить вы, как торгаши, золотом торгашей; ибо мало ценности во всем том, что имеет свою цену.

Не то, откуда вы идете, пусть составит отныне вашу честь, а то, куда вы идете! Ваша воля и ваши шаги, идущие дальше вас самих, – пусть будет отныне вашей честью!»...

«Страну ваших детей должны вы любить: эта любовь да будет вашим новым аристократизмом, – страну, еще не открытую, лежащую в самых далеких морях! И пусть ищут и ищут ее ваши корабли!

Своими детьми должны вы искупить то, что вы дети своих отцов: все прошлое должны вы спасти этим путем! Эту новую скрижаль ставлю я над вами!»

(Ницше. «Так говорил Заратустра»).

Так отдельные представители послевоенной молодежи обрели твердую почву под ногами, оперевшись на законы жизни. Настало время воплощения новых идей начала века. Когда Ойген Фишер в 1910 году говорил об убывании нордической крови в Италии, Испании и Португалии, за которыми последует Франция, а потом настанет очередь Германии, из его слов не было сделано никаких практических выводов. Не было еще четких представлений о сути представленных в западных народах рас. Эти четкие представления стали постепенно распространяться после войны и нашли отклик среди молодежи.

Остался один путь – путь обновления и возвышения человека... Над развалинами забрезжила надежда.

Эту надежду постарался погасить последний характерный представитель XIX века – Освальд Шпенглер. Он заговорил о «закате Европы». Он описал все те «закаты», причины которых объяснил Гобино. Название его книги навеяно названием книги Зеека «История заката античного мира», из которой Шпенглер мог бы узнать, как раса и смешение рас, наследственность и отбор определяют судьбы народов. Но Шпенглер духовно принадлежит XIX веку. «Век естествознания» приучил людей прошлого повсюду видеть «неизбежное развитие» и объяснять его механистическим способом. Шпенглер полагал, будто он мыслит «органически», перенося «неизбежное развитие» в историю и одновременно объясняя «механику культурного процесса». Однако то, что Шпенглер называл своим «морфологическим мышлением», справедливо будет отнести к описанной им «магической культуре» Востока, к «ограниченной мировой пещере магического времени», к области цифровой мистики и астрологии. Ленцу тоже бросилось в глаза, что Шпенглер лишь некоторыми сторонами своей души принадлежит к «фаустовскому» (нордическому) миру, а другими – к магическому (переднеазиатско-ориентальному). Из-за своего, говоря стилем XIX века, «культурно-механического» мировоззрения Шпенглер презрительно называл учение о наследственности «догмой», а занятие биологией считал пустой тратой времени. Гильдебрандт и Ленц уже достаточно сказали об отношении Шпенглера к расовой теории и евгенике.

При своих взглядах Шпенглер мог рисовать прекрасные картины прошлой жизни, описывать «механику развития» ряда цивилизаций и даже говорить о «закате Европы», угрозу которого за полвека до него осознал Гобино. Но Шпенглер, в отличие от Гобино, не знает о причинах упадка народов и поэтому вряд ли годится в пророки будущего. Хотя последние книги Шпенглера «Новое строительство Германской империи» и «Политические обязанности немецкой молодежи» (1924 г.) заслуживают положительной оценки, необходимо преодолеть воззрения Шпенглера и заменить их расовым взглядом на историю в духе Гобино.

Но опровергать противоположные воззрения нужно не письменно, а своей жизнью. Главное – перевес людей нордического типа по показателям рождаемости среди немецкого народа.

Помрачение XIX века достигло своей кульминации в «Закате Европы» Шпенглера. Западной молодежи якобы «органическим», а на самом деле «культурно-механическим» способом доказывают, что от нее и от всех грядущих западных поколений не может больше произойти никакая цивилизация (культура). Время цивилизации для Запада кончилось, и если где-нибудь еще возникнет цивилизация, то не на Западе, а на Востоке Европы.

Но при расовом взгляде на Восточную Европу мы увидим, что там господствует восточно-балтийская расовая душа, не способная к принятию решений и не любящая четких форм. Еще Гобино опровергал мнение, будто Восток Европы сохраняет творческие возможности. «Это все красивые мечты. Славяне – одно из самых древних, самых изношенных, большей частью смешанных и выродившихся семейств. Они исчерпали себя еще раньше кельтов». Творческой силой в Восточной Европе с доисторических времен были волны нордических народов, которые образовывали господствовавшие слои, а восточно-балтийская раса – низший слой.

Но даже если бы цивилизация (культура), с которой Шпенглер связывает понятие «Запад», действительно пришла к своему концу – со шпенглеровским «Западом» это вполне может случиться – и этот «Запад» погибнет, то молодежь, приверженная нордической идее, никогда не принадлежала к этому «Западу» и не чувствовала ответственности за его гибель. Возникающая с начала века цивилизация, первенцы которой – сторонники нордической идеи («Мы – ничто, то, что мы ищем – все» – Гельдерлин), этот новый дух, который ищет своего воплощения, никогда не был духом «Запада», это дух цивилизации, которая следует за «закатом Европы». Нордическая идея определяет свою цивилизацию не термином «Запад» («Абэндланд»), а термином «Нордланд». Нордическая идея это больше не «западная» идея в смысле Шпенглера.

Послевоенная молодежь, которая начинает спланиваться в нордическом движении, достаточно отважна, чтобы вырваться за барьеры «Запада». «Пусть до сих пор все великие цивилизации индоевропейских народов гибнут, мы хотим стать первым противоположным примером, новым началом». Эта отвага позволила преодолеть судьбу «Запада».

Нордическое движение среди немцев выросло из расовой теории, из осознания значения нордической расы для жизни индоевропейских народов (начиная с Гобино), из осознания обусловленности нордической кровью сути немцев, из понимания того, что подъем или упадок немецкой цивилизации связан с увеличением или уменьшением процента нордической крови... Но нордическая идея, в отличие от характерных для XIX века «мировоззрений», которым были неизвестны «пределы образования естественнонаучных терминов», не является мировоззрением, построенным на естественнонаучных познаниях. Мировоззрение не следует основывать на одной науке, ни на естествознании в целом, ни на его отдельных отраслях, таких как расология и теория наследственности.

С помощью расологии как отдельной науки нельзя опровергнуть «метафизическое» произведение, такое как книга Шпенглера. В «Расологии немецкого народа» дана лишь оценка Шпенглера. Расовые исследования развивались сначала на естественнонаучном, потом на историческом поле. Но для естествознания как науки характерно, что оно объясняет явления, но не оценивает их. С помощью естествознания или другой отдельной науки нельзя дать оценку Шпенглера. Для такой оценки нужно самому подняться на «метафизическую», мировоззренческую высоту. Но нордическая идея это выражение мировоззрения, но не само мировоззрение. Это в XIX веке «мировоззрения» основывались на естественнонаучных познаниях.

Нордическая идея это выражение мировоззрения, для которого возвышение человека является божественной заповедью.

Гальтон выражал надежду, что когда-нибудь евгеника будет признана составной частью религии, проявлением благочестия. Евгеника сама не может стать религией, но хотела бы развиваться в такую форму богопочитания, которая выражалась бы в воле к возвышению человека, видела бы в этом божественную заповедь. (Католическая церковь поняла это, о чем свидетельствует распространение евгенических знаний среди народа патером Муккерманом и основанным им журналом «Кинд унд Фольк». Протестанты проигрывают католикам по показателям рож-даемости). Есть люди, которые говорят, будто ничего нельзя предпринимать против вырождения народов, будто отбор «в руке Божьей». Для новых представлений о Боге такие утверждения будут кощунственными. Согласно этим представлениям, надо быть «совершенными, как совершенен Отец наш небесный». Разве это не призыв к совершенствованию человеческой сути? При увеличении числа неполноценных наследственных задатков богопознание станет менее чистым. Если Бог-дух и ему надо молиться в духе истины, то укрепление духа – божественная воля, а возвышение человека – божественная заповедь, но средства этого возвышения заложены в природе.

Сторонники этого мировоззрения и нордической идеи с радостью усвоили научные достижения начала века, в том числе и достижения естественных наук. Но, когда речь идет об оценке таких произведений, как книга Шпенглера, то они опираются, не на свои естественнонаучные взгляды, а на свои убеждения, которые относятся к цивилизации (культуре) после заката Европы.

Нордическая идея понимает, как и Шпенглер, вырождение и денордизацию, вызвавшие гибель великих индоевропейских цивилизаций, как «метафизический поворот к смерти». Естественные науки нашли средства защиты от этих «метафизических болезней». Но большего естественные науки дать не могут. Нордическая идея пользуется достижениями естественных наук, но сама не относится к их числу. Она стремится соединить дух молодежи

со своим духом «Великого здоровья». Дух это альфа и омега, если душу народа нужно исцелить от «метафизической болезни». Для духа нордического движения характерна, прежде всего, воля к тому, что можно назвать «метафизическим здоровьем», воля молодежи эпохи после «заката Европы». Тогда станут реальностью слова, сказанные когда-то графиней Витгенштейн Гобино – непонятому, оклеветанному, замолчанному – который видел великие эпохи нордической расы только в прошлом: «Вы думаете, что Вы – человек прошлого, но я твердо убеждена, что Вы – человек будущего».

02. Злоупотребление расовой идеей ее неправильное понимание. Обвинения в адрес нордической идеи

Против нордической идеи, т.е. идеи, согласно которой здоровый нордический человек является образцом для отбора среди немецкого народа, более или менее пылкие ее противники выдвигали более или менее веские возражения, исходя при этом первоначально из ее сравнения с прежними формами выражения «расовой идеи». Но нордическую идею по ее сути и форме выражения следует отличать от различных форм выражения «расовой идеи» былых времен. Нельзя больше допускать, чтобы на нордическую идею переносились упреки, которыми осыпали прежние формы выражения расовой идеи. Утверждали, например, будто подчеркивание расового начала означает «увековечивание ненависти и войны» и натравливание одного слоя народа на другой, будто оно подрывает «гуманность» и посягает на «права человека», препятствует взаимопониманию между народами и в конечном счете всегда выливается в прославление собственного народа.

Такие упреки расовой идее в ее прежних формах были более или менее оправданы, но ниже мы покажем, что некоторые из этих прежних форм ее выражения противоположны нордической идее. При этом нельзя упрекать их в плохом знании расовых явлений, которые и при современном уровне развития расологии исследованы лишь частично.

Провозвестником идей Гобино можно назвать графа Анри де Буленвилье (1658-1722), который от изучения родословного дерева своего древнего рода перешел к изучению истории вообще и оставил ряд рукописей, изданных после его смерти его друзьями. В 1727 г. в Гааге было напечатано главное его произведение «Исторические воспоминания о прежних правительствах Франции». Буленвилье одним из первых осознал значение завоевания Галлии франками для возникновения французской знати. На значение этого завоевания для всего французского народа указал еще в 1573 г. французский легист Отман (1524-90) в своей работе «Франкогаллия», пожалуй, самом раннем исследовании расовых взаимосвязей. Отман противопоставлял абсолютизму демократию франков. Буленвилье защищал королевскую власть и подводил под нее расовую основу; он считал, что от франков происходит только знать. Он выделил ее в особую «франкскую расу», а прочие сословия считал потомками покоренных франками галлов и римлян. Отсюда он выводил историческое наследственное право знати на господство. Он выступал и против абсолютизма, лишившего знать ее господствующего положения, и против буржуазии, которая начинала требовать равных прав для всех сословий. Средние века были его идеалом. Разделение страны на множество феодальных уделов он считал самой свободной формой государства, образцом государства. Идеи Буленвилье нашли широкий отклик среди знати: многие еще помнили, что абсолютизм лишил их предков государственной власти.

Как видим, Буленвилье очень близко подошел к правильному пониманию расовых взаимосвязей, но его идеи замутнились политической целью. Всех тогдашних носителей дворянских титулов он объединил в «расу», не задумываясь о том, что народный слой, который должен представлять собой расу, должен иметь единый физический и психический облик во всех своих элементах. Если бы Буленвилье задался вопросом о физических и психических чертах своей «франкской расы», он нашел бы у многих носителей дворянских титулов очень мало «франкского», а у крестьян и буржуа, наоборот, обнаружилились бы чисто

«франкские» черты. Нельзя было тогда и нельзя сегодня использовать расовую теорию в интересах определенного сословия или слоя...

Точно так же как Буленвилье использовал расовую идею или то, что он за нее принимал, в борьбе сословий, аббат Сьейес (судя по портретам, принадлежавший к нордической расе) обратил неясные догадки в области расологии против знати своей страны, обратил против нее идеи графа Буленвилье, объявил ее расово чуждой частью народа, которая должна вернуться в свои «франкские леса», чтобы французский народ стал расово чистым и состоял только из потомков галлов и римлян. «Третье сословие не должно бояться вспоминать о былых временах. Оно должно взять за исходную точку год, предшествовавший завоеванию». Происхождение от галлов и римлян ничуть не хуже происхождения от «дикарей, вышедших из лесов и болот Германии». Так зачатки расовой теории стали одной из мелодий в увертюре к революции.

В действительности французской революцией руководили люди нордического типа, которые выступили в союзе с вырожденками всех рас против других людей того же типа. Результат был тот же, что и при всех войнах и переворотах в Европе – антиотбор нордической крови во всех слоях населения. Нельзя было тогда и нельзя сегодня, уподобляясь Сьейесу, использовать расовые идеи для борьбы против какого-либо слоя народа. Если бы Сьейес имел более четкие представления о сущности расы и о признаках определенных рас, он понял бы, что сам принадлежит к расе «дикарей из лесов и болот Германии», как и многие другие вожди 3-го сословия, тогда как многие аристократы мало походили на «франкских завоевателей». Для того, кто видит, что при любой борьбе за власть и идейной борьбе нордическая кровь всегда играет главную роль с обеих сторон и при войнах между государствами и разными слоями населения прежде всего проливается именно она, расовая идея не может быть идеей силового решения конфликтов, по крайней мере тогда, когда эта идея одновременно направлена на стимулирование развития той расы, которая была и остается ведущей во всех народах Европы и во всех слоях этих народов, – нордической расы.

В период между 1814 и 1820 гг. на споры между разными партиями во Франции повлияли частично националистические, частично расовые взгляды графа де Монлозье (1755-1833). В своей работе «О французской монархии со времени ее установления до наших дней» (1814) Монлозье предложил в качестве оружия консервативной партии идеи Буленвилье в несколько иной редакции. В ответ историк Гизо написал работу «О правительстве Франции со времени Реставрации до нынешнего правительства», причем Гизо возражал графу Монлозье теми же тезисами, что и Сьейес – графу Буленвилье. К борьбе против идей графа Монлозье примкнул и другой историк – Огюстен Тьерри. Если бы Монлозье имел более четкие представления о расах, он распознал бы в своем противнике Гизо человека нордической расы, каковым он выглядит на своих портретах, а Гизо понял бы, что сам принадлежит к тому расовому слою, против которого сражается. Что же касается Тьерри, то его фамилия происходит от германского имени Дитрих, что указывает на его происхождение от того самого слоя завоевателей, значение которого он всячески старался принизить...

С этих времен тянутся повторяемые до сих пор обвинения, будто расовая идея не что иное как средство оскорбления противника при внутриполитических разборках. Этот упрек делался и делается и в адрес Гобино. Но труды Гобино знаменовали собой поворотный пункт и для неправильного понимания расовой теории, и для злоупотребления ею. Он сделал расовую идею более ясной и заложил основы нордической идеи. Но вскоре термины Гобино «германская» и «арийская раса» породили новое неправильное понимание и злоупотребление, как бывает всегда, когда названия рас являются одновременно названиями народов. Это не вина Гобино: он внес достаточную ясность, и его нельзя судить по меркам нашего времени.

Когда на переломе веков благодаря переводу Шеманом трудов Гобино и благодаря «Основам» Чемберлена начала распространяться расовая идея, заговорили о значении «арийской» расы, особо выделяя внутри нее германцев или «германскую расу». Поскольку, когда появляется новая идея, большинство людей сначала интересуется, против кого она направлена, «арийской расе», считавшейся высшей, была противопоставлена «семитская раса», рассматривавшаяся как неполноценная; высшей «германской расе» противопоставлялись неполноценные «романская» или «славянская» расы. Это были простые деления, которые легко можно было обратить против других рас и народов, причем многие и не пытались посмотреть на самих себя с расовой точки зрения.

Отвергая все «романское» или «славянское», особенно все «семитское», т.е., прежде всего, еврейское, немцы нимало не заботились о правильном выборе супружеских пар – считалось, что все немцы – «арийцы», «германцы» – и о том, сколько детей у той или иной части населения, т.е. не заботились об отборе среди немецкого народа. Не учитывалось также, что нет общезначимого масштаба ценности народов и рас, т.е. раса не имеет высшей ценности сама по себе и не может называть другие неполноценными, расы можно оценивать только с точки зрения определенной цивилизации.

Таким образом, если расовую теорию до Гобино использовали в конфликтах между сословиями, то после Гобино – в конфликтах между народами. Но в конфликтах между народами расовой идеей злоупотребляли и до Гобино.

Еще в XVI веке во Франции возникло мнение, что французский народ происходит от кельтов. Эта «кельтская идея» получила особое распространение при Людовике XIV, так как служила историческим обоснованием захвата земель по Рейну. Из франков сделали кельтское племя, прародину которого нужно вернуть. В кельтов превратили также вандалов, бургундов, герулов и даже гуннов. Эпоха французской революции и Наполеона I принесла с собой новое оживление кельтской идеи. Ею вдохновлялся наполеоновский генерал Латур д'Овернь. Она играла важную роль в «друидизме» Жорж Санд и в «кельтских собраниях», которые устраивал Ренан. В своей книге «Кельты и евреи» (1899 г.) Толлер сделал кельтом Гомера, а Барду приписал усиление мощи США тому, что в них якобы преобладает кельтская кровь. Когда выдающийся французский антрополог Брока (1824-80) неправильно назвал «кельтским типом» расу, которая сегодня называется альпийской или восточной, французские политические писатели снова устремили свои взоры на Рейн...

Как во Франции злоупотребляли и злоупотребляют понятием «кельтской расы», так и в Германии злоупотребляли в политических целях идеями Гобино и Чемберлена. Пример – вышедшая в 1905 г. книга И.Л. Раймера «Пангерманская Германия», которая требовала разгрома соседних государств и включения их германского населения в Германскую империю. По каким расовым признакам распознавать это «германское» население и нет ли в самой Германской империи «негерманских» жителей – эти вопросы остались без ответа... Неудачные термины Гобино и Чемберлена «арийская» и «германская» раса привели к смешению понятий «народ» и «раса». Сейер в своей книге против Гобино «Граф Гобино и исторические арийцы» (1903) имел право сказать о многих немецких читателях Гобино: «Обычно они используют его учение не в интересах арийцев или европейцев, руководящего слоя всех цивилизованных народов Земли, а для возвеличения германцев христианской эпохи и, прежде всего, современных бюргеров Германской империи». Гобино говорил о «германцах» в расовом смысле слова, многие его германские читатели понимают под этим весь народ, говорящий на немецком языке. Шеман предостерегал («Расовые труды Гобино», 1910, с. 409): «Не может быть никакого сомнения в том, что в духе Гобино более широкое понимание германизма, и Гобино не отвечает за то, что отдельные нации или личности приспособляют его учение для злободневных политических нужд. Руководящие качества нордических людей, которые Гобино находил у всех западных народов, отдельные немцы «ради злободневных

политических нужд» перенесли на всех немцев: неясные расовые представления неловко связали с политическими планами на будущее Германской империи».

Руководители государств, враждебных Германии, воспользовались подобными выражениями «расовой идеи» и ложно понятым «пангерманизмом» с тем большим удовольствием, поскольку знали, что руководители Германской империи сами не очень склонны к расовым идеям. На злоупотребление расовой идеей, которое проистекает из смешения понятий народа и расы, и сегодня указывают ее противники, обвиняющие расовую идею в разжигании вражды между народами. Сейер написал целую серию работ под общим названием «Философия империализма». Хотя нордическая идея исходит из того, что любой толкающий к войне империализм западного народа таит в себе угрозу истребления самых талантливых и самых нордических элементов, хотя именно нордическая идея призывает к взаимопониманию народов, особенно германоязычных, ее противники не перестают повторять устаревшие обвинения.

Гобино не замалчивали бы так на его Родине, если бы он не назвал расу, значение которой он первым осознал, «германской». Это название породило путаницу как во Франции, так и в Германии, смешение языковой и расовой принадлежности. Французы не хотят ничего слышать о значении расы, которая называется «германской», немцы видят в любом германоязычном представителе «германской расы»; на том же смешении основано и понятие о «романской» и «славянской» расах.

Но и название «германская раса» или, как чаще говорят в Англии «тевтонская раса», не пробудило в германоязычных народах никаких стимулов к объединению и взаимопониманию. Так что «разделяющие народы течения», ответственность за которые возлагают на расовую идею, гораздо глубже и шире, и расовая идея пока не может установить плотину на их пути. Политические писатели Англии и Германии, которые что-то слышали о «германской» или «тевтонской» расе, пытаются представить другой народ как можно более «негерманским». Англичане утверждают, что теvтонская раса в Германии давно истреблена, и среди немцев преобладают люди не с нордическими чертами, а с чертами восточно-балтийской или даже центрально-азиатской расы.

Таким же образом немецкие журналисты во время войны утверждали, что неправильно называть англичан «двоюродными братьями» немцев: в Англии сегодня почти не осталось «германской» крови, современные англичане в подавляющем большинстве принадлежат к «кельтской» расе и тем самым расово близки французам. Так взаимно подрывались расовые идеи в народах, которые Гобино относил к «германской расе». На полях битв народы Запада взаимно подрывали и свою расовую силу. Антиотбор мировой войны привел к истреблению нордической крови у всех народов, участвовавших в войне.

Когда после войны начали проясняться представления о расах, вместе с нордической идеей пробудилось и мнение, выраженное Ленцем: «Сознание общности нордической расы ведет к примирению народов, а не к их разделению». «Время интернационала блондинов еще не пришло. Но тот, кто упирая на предполагаемые расовые различия разжигает ненависть между нациями, говорящими на разных языках, тот еще не понял и не пережил трагическую судьбу нашей расы». Шалльмайер опасался, что подчеркивание значения нордической расы будет разделять народы. **Но мировая война ужасным образом напомнила о том, что все войны между народами, говорящими на индогерманских языках, оплачивались и будут оплачиваться, прежде всего, кровью нордической расы. Выгоду от мировой войны получил международный ростовщический капитал, принадлежащий, главным образом, переднеазиатской расе.**

Если бы среди германоязычных народов было распространено «германское» расовое сознание, никогда не разразилась бы мировая война. Но, вероятно, антиотбор нордической

крови западных народов был необходим для пробуждения расового сознания. Не случайно прояснение расовых представлений до уровня нордической идеи произошло в Германии и Северной Америке именно в послевоенные годы.

К этому прояснению постепенно вели расовые исследования с начала века: в результате все представления о принадлежности немцев к «арийской» или «германской» расе, а евреев – к «семитской» расе должны быть отброшены...

Было уточнено само понятие «раса», поэтому и нужно отказаться от представлений об «арийской расе». Сегодня лингвисты еще называют иногда индоиранскую ветвь индоевропейских языков «арийской», но отходят от этого названия, потому что термин «арийский» был слишком многозначным и им злоупотребляли. Слово «арийский» превратилось в штамп. Раньше лингвисты иногда называли все индоевропейские языки «арийскими», потом стали говорить о народах, говорящих на «арийских» (т.е. индоевропейских) языках, как об «арийских народах» или «арийцах» и даже объединять их все в одну «арийскую расу», хотя они сильно отличаются друг от друга и физически, и психически. **Таким образом, не различали языковую и расовую принадлежность. Народы одной расы или, правильней, одной расовой смеси могут говорить на разных языках, а народы, говорящие на одном языке отличаться друг от друга в расовом отношении. Но самое главное: народы это всегда расовые смеси и никогда не раса.**

Нет никакой «арийской расы», хотя все народы, говорящие на «арийских» (правильней «индоевропейских») языках, унаследовали их от племен одной и той же нордической расы. Нет и «германской расы», хотя все германоязычные народы унаследовали свои языки от германцев эпохи переселения народов, которые тоже, в основном, принадлежали к нордической расе.

Нет и «семитской расы», а есть различные, отличающиеся друг от друга в расовом отношении народы, говорящие на семитских языках. К этим народам относят и евреев, которые в наше время в Палестине возрождают свой семитский язык. Расу, которая первоначально говорила на семитских языках, расологи называют ориентальной, но именно эта раса, преобладающая, например, среди бедуинов, слабо представлена среди евреев, во всяком случае, гораздо меньше, чем преобладающая среди них переднеазиатская раса.

С учетом этих уточненных представлений следует присмотреться повнимательней, что за «расовая идея» постепенно распространялась в немецком народе с начала века. «Германцем» в соответствии с ней мог называться каждый, кто принадлежит к германоязычному народу. Но термин «германцы» не имеет отношения к расологии. Когда началось изучение с расовой точки зрения самих европейских народов, из множества смесей удалось выделить чистые расовые типы. Европу населяют пять рас: нордическая, западная (средиземноморская), восточная (альпийская), динарская и восточно-балтийская. Они представлены почти во всех народах Европы, только в разных пропорциях. Так что нельзя больше говорить о германцах, романцах и славянах как о расах. Тем не менее, продолжают выпускаться атласы с картой «Расы Европы» именно с таким делением. Эти карты нужно подписывать «Языковые группы Европы». Германцы, романцы, славяне – термины языкознания и этнографии, но не расологии. Но пройдет еще какое-то время, прежде чем те, кто читал Гобино и Чемберлена, уяснят для себя, что такое «раса».

Поворот от устаревших представлений об «арийцах», «германцах» и «семитах» к современной расовой терминологии должен внести в расовую идею новое содержание и придать ей более верное направление. Сюда относится ряд новых представлений о наследственном составе и направлении отбора в конкретных случаях, выработанных в результате изучения наследственности и создания на этой базе расовой гигиены. Расовая

идея обрела, наконец, твердую почву. До сих пор расовая идея была для многих идей, направленной против других рас, теперь это идея, работающая на ту из пяти европейских рас, которая имеет наибольшую ценность для цивилизаций индоевропейских народов: нордическую расу. Так расовая идея становится нордической идеей. Это результат понимания значения нордической расы для жизни германоязычных народов. Здоровый нордический человек становится образцом для отбора среди немецкого народа. Необходимо стимулировать размножение людей именно нордического типа.

Если раньше расовая идея была обращена вовне и направлена на защиту от «неарийской» или «негерманской» крови, то нордическая идея направлена на свой народ. Она показывает, какое направление отбора следует считать желательным, а какое вредным. Расовая идея в ее прежних формах порождала у многих спокойное самодовольство: люди чувствовали себя представителями «арийской» или «германской» расы, которая считалась высшей. Они не задумывались о разных показателях рождаемости среди разных слоев населения, о «германизации» многодетных инородных частей населения, если только это не были «семиты».

Когда начала распространяться нордическая идея, т.е. в послевоенные годы, забеспокоились именно те, кто гордился своим «арийством». Термины языкознания перестали использоваться как расовые. Среди германоязычных и индоевропейских народов представлено много рас.

Расовая идея в ее прежних формах окружала своим народ и другие родственные ему по языку народы: по эту сторону все расово близкие, по ту – чужеродные. Для нордической идеи все германоязычные народы объединяет их принадлежность к нордической расе. Но ее девиз: «Познай самого себя». Она показывает образец для отбора среди немецкого народа. И все те, кто гордился своим «арийством» – поскольку почти каждый немец, каждый европеец, вообще каждый человек не может выводить все свои наследственные задатки от одной единственной расы – могут посмотреть, насколько они далеки от идеала. Многие увидят, что их тип не очень-то нордический. Так что расовый разлом проходит не по границе немецкого языка или германских языков, а через каждого немца, через каждого германоязычного.

Если граф Буленвилье и граф Монлозье видели в собственном народе два разных слоя, а после Гобино и не по вине самого Гобино расовая идея часто направлялась против других народов, придавая этим народам четкие расовые очертания, то после 1900 года нордическая идея снова начала смотреть на народы изнутри, но не для того, чтобы разделять их слои, а для того, чтобы призвать всех нордических людей независимо от этноса, слоя, вероисповедания и т.п. к увеличению числа детей нордического типа со здоровой наследственностью. Как сказал Гильдебрандт («Норма и вырождение человека», 1923), вопрос о распаде внутреннего ядра нации важнее приобретения или потери целых провинций. Нордическая идея стремится к тому, чтобы среди немцев рождалось больше детей нордического типа, а ее внешняя цель – взаимопонимание народов, прежде всего германоязычных. Вся критика прежних форм выражения расовой идеи в случае с нордической идеей теряет свой смысл, но те же самые ставшие бессмысленными выпады будут еще долго повторяться.

Поскольку до взаимопонимания всех нордических народов еще далеко, нордическая идея ориентирована прежде всего на собственный народ. В связи с этим противники расовой идеи обвиняют ее в том, будто она «разрушает народ», проводит разделительную черту: с одной стороны нордические, а с другой – ненордические немцы. Но эта стрела пролетает мимо цели, поскольку в действительности все совершенно иначе: расовый разлом проходит не через немецкий народ, а почти через каждого немца. И каждый немец должен сделать для себя выбор: признавать нордического человека за образец для отбора или нет.

Нордическая идея не вносит раскол в немецкий народ. В Германии число людей чисто нордического типа сравнительно невелико, но столь же невелико и число людей без нордической примеси. Невозможно создать объединение всех ненордических немцев, поскольку они принадлежат к разным лагерям, вероисповеданиям и партиям, враждующим между собой.

Противникам нордической идеи приходится ориентироваться на реально существующие различия между отдельными частями немецкого народа. Название «нордическая раса», предложенное русским расологом Деникером в 1898-99 гг. дало повод представить нордическую идею как оскорбительную для южных немцев. И действительно, выпады против нордической идеи исходят от людей, которые настолько мало знакомы с расологией, что понимают «нордическое» в смысле «северно-германского» или «скандинавского» и утверждают потом, что нордическая идея направлена на возвеличение пруссаков, норвежцев или шведов. Подобные подозрения можно оставить без возражений, потому что у таких противников отсутствует первое предварительное условие для дискуссии: они не знают, о чем говорят.

Серьезней нужно отнестись к тем, кто исходит из того факта, что в пределах распространения немецкого языка нордические черты населения постепенно убывают с Северо-Запада к Востоку и к Югу. Несомненно, германские племена отличались друг от друга пропорциями представленных в Германии рас. Так на юго-западе Германии отсутствует восточно-балтийская примесь, которая проявляется на северо-востоке. Обратная картина наблюдается в случае с альпийской примесью. На северо-западе Германии почти целиком отсутствует динарская примесь, весьма заметная на юго-западе. Но общим для всех германских племен является примесь нордической расы, поэтому нордическая идея направлена не на подчеркивание расовых различий между севером и югом Германии, а на изучение расовых различий внутри каждого племени, даже каждой деревни, чтобы была признана расовая обусловленность жизни немецкого народа и проложен путь к идее его единства на основе общей принадлежности всех его частей к нордической расе. Если север Германии отличается от юга тем, что на севере к нордической крови примешано больше восточно-балтийской, а на юге – динарской и альпийской, то нордическая кровь представлена и там, и там. Их объединяет также духовный мир, сердцевина которого – нордическая душа. Как в книге Баура-Фишера-Ленца, так и в «Расологии немецкого народа» подчеркивается идея единства всех немцев. И если в Баварии кто-то воспринимает нордическую идею как преследующую определенную цель, то нужно рассеивать это недоверие. Нордическая идея не включает в себе ничего оскорбительного для Южной Германии. К тому же многие из тех, кто указывал в своих книгах на значение нордической расы, сами южно-германского происхождения. Отто Аммон был баденец, Ойген Фишер и Л.Ф. Клаусс тоже баденцы. Густав Крайчек, автор «Расологии немецкого народа, особенно жителей восточно-альпийского региона» (1923) – австриец. Автор «Расологии немецкого народа» и «Расологии Европы» – баденец. Нордическое движение началось именно в Южной Германии. В статье «Способствует ли современный спорт сохранению расы?» Гшвендтнер приводит данные опроса, проведенного среди австрийских гимнастов и гимнасток. Все они хотели бы выбрать в супруги человека нордического типа.

Противники нордической идеи делают упор на том, что Южная Германия дала немецкому народу в целом. Но и в «Расологии немецкого народа» прославляется героизм баварцев, равно как и их достижения в музыке. Героический дух свойственен как динарской, так и нордической расе, и обе они представлены в Баварии, причем преобладает динарская, особо одаренная в музыкальном отношении.

Нордическая идея смотрит на достижения южных немцев с такой же гордостью, как и ее противники. На портретах творческих людей из Южной Германии видно, что у них преобладают нордические черты. Это указывает на «незаменимое значение нордической

расы» (Ленц). Если бы те, кто с недоверием относятся к нордической идее, присмотрелись к портретам швабских поэтов и мыслителей, они убедились бы в значении нордической расы.

В доказательство творческих качеств альпийской расы указывают, вслед за де Кандолем, на большое число швейцарцев – членов берлинской, лондонской и парижской академий, как будто в Швейцарии живет только эта раса. Но именно в Швейцарии мне бросилось в глаза преобладание динарских и нордических черт в высших сословиях. Если собрать портреты великих швейцарцев и сравнить их со средним типом швейцарского народа, то подтвердится правильность слов Ленца, приведенных выше, как и повсеместно в Центральной, Западной и Северной Европе.

Трудно понять, как нордическая идея может разлагать народ, если она подчеркивает значение расы, которая воплощает в себе творческое начало всего немецкого народа... Она не может разделять немецкий народ, как это делают политические партии, раздувающие классовый антагонизм. Ей больше по сердцу, если у здоровой пары нордических рабочих будет больше детей, чем у ненордических аристократов или богачей. Она не может разделять немецкий народ, как это делают вероисповедания, воздвигающие барьеры между немцами. Нордическое движение не будет пользоваться теми же средствами, что и церкви и партии, оно заинтересовано только в более высокой рождаемости у нордических немцев – это никому не повредит. Сегодня у ненордических немцев больше детей, чем у нордических, у католиков больше, чем у протестантов. Нужно брать пример с католиков.

Возражения против нордической идеи показывают, что она приводит людей в смятение своей новизной. Люди всегда стараются найти для новых идей определенное место среди других, уже привычных. Но с идеей ренордизации этого сделать нельзя, она ориентирована на совершенно новый порядок и требует радикального переобучения. Эта идея вызывает беспокойство у тех, кто привык к действительно тревожному расколу в жизни нашего народа, к нетерпимости церквей и партий.

В чем состоит особенность нордической идеи?

Если расовая гигиена показывает средства увеличения ценных наследственных задатков вообще, т.е. предназначена для всех народов и всех рас, нордическая идея ориентирована на увеличение ценных наследственных задатков лишь одной расы, представленной в немецком народе, – нордической, на прекращение антиотбора нордической крови и изменение этой тенденции на противоположную. Пока по рождаемости побеждают ненордические расы; нордическая раса должна вступить в состязание с ними.

В период упадка Древней Греции и Рима были люди, которые указывали на последствия снижения рождаемости, Римское государство принимало даже законы для ее стимулирования, но законы бессильны, если в народе нет стремления к оздоровлению. Римское законодательство даже ускорило упадок, создав благоприятные условия для «пролетариев», т.е. прослойки людей, которые не платили налогов, а только поставляли государству детей (proles). Это были низы больших городов гибнущей Империи, большей частью вольноотпущенники, многие из них африканского и азиатского происхождения. Но именно бездетность пролетариев могла бы еще на какое-то время отдалить «гибель античного мира». Рим служит примером того, какой не должна быть забота о здоровой наследственности. Второй пример – современная Франция.

Законодательство США – первый положительный пример государственной заботы о здоровой наследственности. В Германии до законов дело еще не дошло, но в просвещении широких кругов за последние годы достигнут большой прогресс, прежде всего, благодаря выходу труда Баура-Фишера-Ленца «Основы учения о человеческой наследственности и расовой гигиены» (1927 г. – 3-е издание)... Стимулирование размножения людей со здоровой

наследственностью без учета их расовой принадлежности не встретит сопротивления, но когда речь пойдет об определенной расе, найдется много противников.

Вряд ли удастся сделать стимулирование размножения нордической расы делом всего народа, но если широкие круги встанут на защиту нордической расы, это уже будет большое достижение. Только часть народа сможет последовать призыву, чтобы нордическая раса имела больше детей, чем другие расы, но этого достаточно...

Суть нордической идеи – в творческом отборе и только в отборе. Она обращена ко всем здоровым, нордическим немцам. Отбор и число детей среди них нужно контролировать, бедным семьям оказывать помощь, чтобы они могли обзавестись детьми и т.д. ...Только этим людям нужно объяснять значение нордической расы, не нужны ни массовые митинги, ни пропагандистские фильмы, ни плакаты на стенах – вообще не нужно думать о «широкой общественности». Нордическую идею нужно утверждать образом жизни ее сторонников. Их подозревают в том, что они вынашивают план государственных мер по защите нордической расы. Но это неправда, будто они считают важнейшей задачей государства и общества воздействие на плодovitость определенных расовых составляющих народа. Ленц указывал, что предпочтение, оказываемое государством одному определенному типу немецкого народа, могло бы повлечь за собой серьезные недоразумения, и подчеркивал, что государственная политика в области расовой гигиены должна быть направлена на сохранение всех рас. О том же говорилось в «Расологии немецкого народа». Нордическая идея рассчитана на свободный союз нордически мыслящих немцев для защиты нордической расы. Точно так же рабочие объединяются для защиты своих интересов в профсоюзы.

Этот призыв к взаимопомощи нордических немцев трактуют как унижение ненордических немцев. Когда говорят, что увеличение процента ненордической крови менее желательно, а увеличение процента нордической крови желательно, это подают так, будто «нежелательными элементами» объявляются сами ненордические немцы.

Возражение будет таким. Нордическая идея не направлена против отдельных ненордических людей, она направлена против увеличения процента ненордической крови. Ее цель – защита нордической крови от исчезновения. Теория наследственности учит, что «ценность индивидуума как такового отлична от его ценности как производителя» (Сименс). **Было много физически слабых людей, которые подарили немецкому народу высокие духовные ценности, но лучше бы они не оставляли потомства. Их ценность как личностей отлична от их ценности как производителей, но это не умаляет их ценность как личностей. Ни один умный человек не станет меньше уважать отдельного ненордического человека, если его размножение в нордическом народе менее желательно, чем размножение здоровых нордических людей.** Никогда сознание ценности нордической расы для немецкого народа не будет обращено против отдельного человека, но нужно четко различать желательное и менее желательное деторождение. Нужно сделать все для того, чтобы в Германии рождалось больше нордических детей.

03. Нордическое движение и суть нордической идеи

Когда речь заходит о героях как об образцах для отбора, у многих возникают смешные представления об этом: одни полагают, что в соответствии с этим образцом должны рождаться борцы-спортсмены или бряцающие оружием воины, в воображении других возникают доисторические богатыри или рыцари – искатели приключений. Но в данном случае слово «герой» означает всего лишь совершенного человека чистой крови, воля

которого направлена на возвышение человеческой жизни и на проверку самого себя в борьбе за такое возвышение. К достижению этого идеала ведут разные пути.

Нордическая идея обращена не в прошлое, где перед ней маячат образы героев, а в будущее, к более возвышенной жизни тела и души. Таким образом, совершенно неверным является толкование нордической идеи как «романтической». Но, поскольку такое ложное толкование (при поверхностном знакомстве с нордической идеей) имеет место, и поскольку в кругах, культивирующих «германский» дух, которые иногда путают с нордическим движением, и в самом деле много «романтики», необходимо более подробно остановиться на деятельности нордического движения и сути нордической идеи.

Сторонники нордической идеи с почтением относятся ко всем памятникам древнейшей истории индоевропейских народов: к мудрости индийских Вед, к религии Заратустры, к искусству и философии эллинов, к римскому государству и праву и, прежде всего, к памятникам древнегерманской цивилизации. «Люди, с которыми знакомит нас древненордическая литература, закалены в борьбе и нужде, и даже женщины и подростки являют собой образцы спокойной твердости». Образы исландских саг «говорят нам, немцам военного и послевоенного времени, больше, чем Гретхен и Кетхен» (Неккель. «Древненордическая литература». 1923).

Именно чувство реальности, которое было подлинно нордической чертой древних германцев, предохраняет нордическое движение от «фантазий на германские темы», которым периодически предаются в Германии определенные круги. Признаком отдельных групп, не сведущих или мало сведущих в расовых вопросах, но заботящихся о «германской» сути, является то, что они не задумываются над тем, **что настоящая любовь к германскому началу меньше всего может выражаться в громких криках фанатиков и безвкусной рекламе.** Такие группы носятся с бредовыми фантазиями, вроде выдумок Гвидо фон Листа и его «учеников», касающихся общества особо посвященных «арманов», о которых, как говорит Шеман, «никто никогда не слышал и которые никогда не существовали» (Расовые труды Гобино, 1910, с. 201). Есть много других свидетельств исторического и лингвистического невежества, которые могут лишь оттолкнуть специалиста по германским древностям, так много здесь не выдерживающего критики, перегибов, путаницы, в конечном счете просто нездорового. Для науки все это просто оскорбительно и в конце концов будет выставлено на посмешище, но игры с нелепостями для «особо посвященных» продолжают привлекать умы отдельных людей с соответствующей предрасположенностью. Еще не скоро исчезнут группы, в которых, говоря словами Шемана «за германцев выдают гальванизированных тевтонов, пытаются оживить забытые германские мифы и образы, отмершие названия и символы». Мы увидим еще много сумасшедших толкований наскальных изображений, «праязыков» и рун, которые будут распространяться в кругах фантазеров на германские темы. Нордическое движение должно безжалостно отбросить всю эту бессмыслицу, отбросить все эти крикливые фантазии на германские темы, все эти игры с древнегерманскими, древненордическими именами (причем часто путают единственное и множественное число, ошибаются в склонении и правописании), все эти попытки оживления отмерших, относящихся к совершенно иному этапу развития цивилизации обрядов (которые часто понимаются неправильно), все эти названия из Эдды или других древненордических памятников, все эти смехотворные вещи, порожденные бесплодной германской романтикой. Нордическая идея обращена в будущее, а не в прошлое. Свои критерии она берет из своей воли к стимулированию притока здоровой крови нордической расы. Она стремится к «Великому здоровью» (Ницше), а этой цели можно достичь лишь живя собственной жизнью, а не копируя прошлое.

О древнегерманском мире в «германских» кругах распространяется так много недостоверных сведений, что я очень жалею, что до сих пор не переведена на немецкий язык книга датчанина Вильгельма Грэнбека, дающая самые глубокие представления об этом мире.

Можно сказать, что Грэнбек действительно проник в древнегерманскую душу, и его работа тем ценней, что он не скрывает, какая пропасть отделяет нас от древнегерманского мира. На нордическую идею работают также книга Хоопа «Реальный лексикон германских древностей» (к сожалению, в ряде мест уже устаревшая), изданный Ноллау сборник «Германское возрождение» (1926 г.) и книга «Группа народов готйод» (1926) датчанина Гудмунда Шютте. Нордическое движение всегда будет сверять свой курс с древнегерманским миром, для тех же, кто не очень силен в древнегерманских языках и германских древностях, было бы лучше не касаться их лет десять, а не раздувать то, что они поняли лишь наполовину, в бесплодных фантазиях. **Нордическая идея всегда будет безжалостно отбрасывать фантазии на германские темы, несовместимые с той любовью к германскому миру, которая присуща нордическому движению.**

Столь же решительно нордическое движение, которое выставляет нордическую расу в качестве образца, должно воздерживаться от пустых восторгов белокуроыми людьми, белокуростью и т.п. Люди, сведущие в расологии, знают, что многие темноволосые и темноглазые личности являются более нордическими, чем многие голубоглазые блондины; к тому же среди людей восточно-балтийской расы многие имеют светлые волосы и глаза. Это уже причина для того, чтобы не восторгаться блондинами. Но главное возражение будет таким: подобное воскурение фимиама блондинам приводит к тому, что многие теряют четкие представления о смысле нордической идеи. Для многих блондинов нордическая идея в результате превращается в свою противоположность: не они служат нордической идее, сознавая повышенную ответственность, а нордическая идея служит им: они преломляют через призму своей «белокурости» свет нордической идеи и направляют его на собственные головы, чтобы предстать в особом сиянии. Такие «белокурые люди» кончают бесплодным зазнайством и в конечном счете вредят нордическому делу. Его противникам легко будет превратить подобные заблуждения в анекдот, хоть и дешевый, но от этого не менее вредный.

К счастью, такого рода культ «белокурости» имеет место только в мелких группировках, которые здоровые люди быстро покидают. В нордических группах с серьезными устремлениями не терпят тех, кто чванится своими нордическими признаками. Тот, кто при споре с противником пользуется не профессиональными аргументами, а ссылается на отдельные расовые признаки, показывает слабость своих позиций и свое неумение правильно подбирать доказательства. Тот, кто использует свою «белокурость» для повышения собственной значимости, доказывает лишь отсутствие у него тех душевных качеств, которые каждая нордическая группа должна требовать от своих членов. Об этих духовных качествах нордической расы, к которым относятся благородная сдержанность, холодная деловитость, умеренность и самообладание даже при яростной полемике нужно знать так же, как и о нордических внешних чертах. Спокойная целеустремленность и решительное спокойствие при действиях, а не восторги белокуростью, болтовня о германцах, маскарады и второстепенные мелочи являются залогом успеха.

Высказываются опасения, что подчеркивание ценности нордической расы для немецкого народа пробудит в людях с нордическими чертами высокомерие и тщеславие. В противовес этому необходимо подчеркнуть, что подобные качества у отдельных людей прямо противоположны смыслу нордической идеи. Только проявляя высшее мужество отдельный человек может соответствовать задаче, которая стоит перед нордической расой при нынешнем, во всех отношениях отчаянном положении. Отдельные люди больше не принадлежат самим себе, они должны оставить индивидуалистическую точку зрения, чтобы сосредоточить все силы на сохранении рода. Вот тогда это люди нордической расы, которые сегодня только усилием своей воли могут помешать вымиранию их расы. Нордический человек меньше всего принадлежит самому себе, он должен думать обо всей своей расе и об обновлении своего народа, если он понял, какое значение имеет нордическая раса для его народа. **Особую задачу перед каждым нордическим человеком ставит его кровь. Если нордическому человеку больше дано, то с него больше и спросится.**

Нордическая кровь обязывает. Он должен телом и душой выражать ценность своей расы.

*Вы слышали, что нравится Богу,
приходите и повинуйтесь,
будьте семенем нового мира,
он желает священной весны.
(Уланд. Священная весна)*

С учетом задачи, стоящей перед нордическими людьми, любая склонность к хвастовству нордической кровью заслуживает презрения.

Гордость жителей Нижней Саксонии, самой нордической земли Германии, будет оправдана лишь тогда, когда эта земля займет первое место по показателям рождаемости. Жизнь нордического человека должна быть примером, свидетельствующим в пользу его расы.

Перед лицом такой задачи недопустимо хвастаться своей кровью или (что вдвойне смехотворно) предаваться фантазиям на германские темы, «германской романтике». Нордическая идея обращена в будущее, а не в прошлое.

Поэтому не ей адресован упрек (брошенный Зольгером в статье «Консервативная расовая политика»), справедливый по отношению ко многим «германским» кругам с нечеткими расовыми представлениями: «Есть опасность, что односторонний идеал воина, который показывает нам трагическое искусство саг эпохи переселения народов и саг о викингах будет выдаваться за нордический идеал вообще. Но развитие народа не может основываться на одних воинах. Рядом с ними непременно должны находиться крестьяне, художественный идеал которых лишен трагизма, а символ веры – «если они не умерли, то еще живут». Победоносная атака войска и уход крестьян за растениями – две формы героизма, которые только вместе составляют полный расовый идеал».

Но таковы же убеждения и сторонников нордической идеи. К сведению Зольгера: в исландских сагах крестьянин и воин часто соединяются в одном лице. Нордическое движение делает особый упор на крестьянах.

Создается впечатление, что Зольгер недостаточно хорошо знает древнегерманский мир. Он изображается как мир непрерывных кровавых войн, мести, разрушения и бряцания оружием. Германские племена изображаются как нигде не задерживающиеся орды, драчливые и воинственные. И нордическую идею тоже рисуют себе по образу подобных представлений.

Откуда же взялись эти широко распространенные ложные представления о древнегерманском мире? Может быть, из тех времен, когда в него вторглось христианство, когда корни германской нравственности были им подорваны, а христианская нравственность еще не укрепилась. Этот подрыв нравственных основ повлек за собой ужасы меровингской эпохи Франкского королевства, противоречащие как германской так и христианской нравственности события в период войн между разными норвежскими родами в XII веке и в эпоху Стурлунгов в Исландии в XII веке. При более глубоком анализе древнегерманской языческой жизни наряду с воинственностью обнаруживаются «черты миролюбия, терпимости, радости чужим талантам и чувство меры и достоинства» (Неккель, цит. соч.). Впечатление непрерывных странствований оказывается поверхностным. «В действительности периоды покоя между кочевьями длились гораздо дольше, чем сами кочевья. Например, готы столетиями занимались земледелием и скотоводством в низовьях Вислы, прежде чем двинулись дальше, в Южную Россию. Там, правда, соблазны городов вовлекли их в длительные войны. Но когда была завоевана Италия, снова наступил мир».

Впечатление непрерывных войн обманчиво. Была даже поговорка: Мир питает, война съедает. Чем дальше мы углубляемся в германские источники, тем больше убеждаемся, что языческие германцы были не менее миролюбивы, чем современные вестфальские крестьяне. Уже тогда умели ценить мир и дружбу и понимали, какие страдания приносят долгие распри. Но мир любой ценой и дружба с кем попало – это не только не было идеалом, это вообще было невообразимо (Неккель. Древне-германская культура, 1925). Идеальный германец выглядел так: «Щедрый, смелый, бесстрашный, дружелюбный, свирепый к врагам, верный друзьям, откровенный со всеми» (Грёнбек).

Исходя из этих правильных представлений о древних германцах, нордическая идея создает свой образ германца. При этом она осознает, какая пропасть (не только в расовом отношении, но, прежде всего, в плане цивилизации, необходимого в наше время мировоззрения) отделяет современность от будущего, которое еще предстоит сделать нордическим, и от древнегерманского мира.

Грёнбек пишет о древних германцах: «Это были мужественные люди, но непригодные для современной жизни. Их цивилизация имела совершенно иной центр, нежели наша. У ней были своя красота, но она была связана с такими формами самоутверждения, которые в нашем мире не выдержали бы конкуренции с более мощными силами».

Подчеркивая несовместимость нашего настоящего и будущего с древнегерманским миром, Грёнбек как и Зольгер близко подходит к нордической идее. Он, как и мы, считает, что нам ближе мир раннего эллинизма.

Прежде всего, нужно со всей ясностью сказать: нордическая идея это не романтика, это направленная в будущее воля к оздоровлению, воля, которая черпает силы из собственного источника, а не из резервуаров, заполненных прошлой жизнью. Не возрождение прошлого – невозможная цель, которую преследует вся «романтика» – главное в нордической идее, а возвышение жизни. Нынешнее поколение может только его подготовить, только начать. «Мы – ничто, то, что мы ищем – все» (Гёльдерлин)...

В XIX веке много думали о том, что сделать для улучшения ситуации, и додумались до того, что решением большинства можно найти лучшие средства укрепления расшатавшегося мира. Но парламентские споры совершенно бессмысленны, если, пока они идут, становится все больше неполноценных наследственных задатков, продолжается вырождение и ускоряется антиотбор нордической составляющей народа (денордизация). В лице Гальтона нордическое движение чтит человека, который первым осознал, что не среда, а наследственность является определяющей силой в жизни народов, и поэтому ситуацию могут улучшить не меры, а люди (как он говорил, «men, not measures»). Это было возрождением идеи Платона: самым способным нужно дать возможность иметь как можно больше детей, наследственно неполноценных по возможности исключить из процесса продолжения рода.

Нордическая идея это идея действия, ориентированного на будущее, и нет ничего более далекого от нее, чем «романтика». Главное для нее – воплощение благородного начала. Ее несет идейный поток, из которого черпал великий Платон и который внушил Ницше мечту о сверхчеловеке.

Нордическая идея это не материализм, она осознает себя как дух, который хочет создать собственное тело, но материал для этого тела он вынужден искать в окружающем его мире. Нордическая идея это дух, который хочет предстать в самом благородном теле, отсюда идея выведения породы, идея Платона.

«Ты спрашиваешь о человеке, природа? Ты жалобно плачешь, как струны инструмента, на которых играет только ветер, брат случая, потому что музыкант, который заказал инструмент,

умер? Они придут, твои люди, природа! Помолодевший народ омолодит и тебя, и ты будешь выглядеть, как его невеста, и древний союз духов обновится вместе с тобой» (Гельдерлин, «Гиперион»).

Нордическое движение исходит из духа, но не теряет в духе, оно вторгается в действительность и без «романтического» страха перед современной жизнью ставит вопрос об условиях наследственного возвышения человека.

Возвышение отдельной личности оно видит в соответствующих нордической сути особенностях тела и души, возвышение рода – в отборе, возвышение народа – в увеличении числа детей у здоровых, талантливых нордических людей.

Благородному трудно найти свое физическое воплощение. Все образование XIX века здесь не поможет: оно не наследуется. Образование не дает ценных наследственных задатков. Для нордической идеи отбор важнее образования. Мир XIX века был поколеблен открытием законов наследственности и рухнул в результате антиотбора...

... У многих народов были великие люди, идеи которых могли бы стать основой для создания цивилизации, но не было тех, кто мог бы воплотить их идеи в жизнь. Платон – пример того, как великому человеку может не хватать народа, на наследственных задатках которых еще можно было бы что-нибудь построить. Эллины его времени выродились. И сегодня не хватает не идей, а людей, которые могли бы их воплотить.

Гете говорил, то истина давно найдена. Нордическая идея сзывает людей, которые могли бы воплотить многие старые истины. Ситуация может измениться только вместе с людьми, точнее, ее могут изменить только изменившиеся люди.

Почему постоянно не хватает тех, кто мог бы воплотить великие идеи в жизнь? Потому что такие люди делаются из иного наследственного материала, чем «подавляющее большинство» их соплеменников, потому что «сплоченное большинство» (Ибсен) по своим духовным качествам неспособно понять великие идеи тех, кто живет среди него. Те, кто может воплотить великие идеи, должны быть той же крови, что и лучшие. Если в одном народе представлены несколько рас и одна из них – творческая, понятно, что другие расы не хотят воспринимать творческие идеи и будут отвергать их, если в крови всех слоев населения не будет достаточного процента крови творческой расы. Нордическая идея хочет создать предпосылки для воплощения великих идей, добившись увеличения этого процента.

Только из духовных наследственных предпосылок расы может возникнуть правильное понимание великих идей, а правильное понимание – условие воплощения. Нордическое движение готовит наследственную почву, в которой семена великих идей впервые смогут принести плоды сторицей. У лучших представителей индоевропейских народов в результате денордизации плодородная почва выдергивается из-под ног как раз тогда, когда у них рождаются идеи, пригодные для создания великой цивилизации...

... В религии Заратустры или в учении Платона постоянно ищут «недостатки», в силу которых эти учения были побеждены или вытеснены другими. При расовом подходе «недостатки» нужно искать не у Заратустры или Платона, а в мире, который окружал этих великих людей, и в мире последующих поколений. Эти миры оказывались не на высоте, потому что становилось все меньше ценных наследственных задатков.

Задача нордического движения – сделать так, чтобы немецкий народ не подвел своих великих людей так, как позднеэллинический народ подвел Платона.

04. О «ценности» человеческих рас

Выбор в пользу нордической расы (как задающей направление отбору среди немецкого народа) вытекает для сторонников нордической идеи из сравнения ценности представленных в немецком народе рас. В «Расологии немецкого народа» из пяти таких рас особенно ценной названа нордическая раса, представленная в той или иной степени во всех германских племенах. **В приложении к этой книге говорится о пагубном влиянии еврейского духа на жизнь немецкого народа и о пагубности смешения немецкой крови с еврейской. Теперь я хотел бы уточнить, что «немецкая кровь» это коктейль из крови разных рас, а в «еврейской крови» преобладает переднеазиатская.**

Указание на разную ценность рас вызвало болезненную реакцию со стороны противников расовой идеи, что делает необходимым пояснение: что означает слово «ценность» применительно к расам.

Термин «раса» заимствован из естествознания. **Но с точки зрения этой науки недопустимо говорить о ценности явлений. Все ценности зиждутся на человеческих оценках. Вмешиваясь в события, человек называет одно хорошим, другое – плохим, одно – ценным, другое – малоценным. А с точки зрения естествознания все явления одинаково ценны или одинаково не имеют ценности, точнее, оценки не свойственны естествознанию как таковому.** Оно не может объявлять человеческую жизнь более ценной, чем жизнь болезнетворных бактерий. Но человек не только (для нордического движения – не в первую очередь) природное, но и духовное существо, которое рассматривает природу как цель для создания цивилизации. Любая цивилизация основывается на ценностях ее создателей. Человек находит свое завершение в ценностях.

Как только встает вопрос о цивилизации какого-либо народа, за ним сразу же неизбежно возникает второй вопрос о духовной сути представленных в этом народе рас, так как цивилизация (культура) это выражение взаимодействия различных духовных сил со средой и между собой.

Направление цивилизации в соответствии с этим всегда зависит от господствующей в народе расовой души (этим объясняются различия между цивилизациями отдельных индоевропейских народов – индийской, персидской, греческой, римской и рядом германских цивилизаций). Смена господствующей расы в народе приводит со временем к смене цивилизации. Традиция и воспитание могут еще какое-то время поддерживать духовное направление исчезающей расы. Отдельные расовые души могут в разные эпохи и при разных обстоятельствах в разной степени влиять на «дух времени». Но сутью истории народа всегда остается взаимодействие всех его расовых задатков с окружающей средой. **Если исчезает определенная раса, изменяется направление цивилизации.**

Цивилизация народа, расовый состав которого изменился, может на какое-то время утратить направление. Для Запада такой эпохой был XIX век, когда исчезла «устремленность», что отметил Гете: «До революции была всеобщая устремленность, после нее все стали чего-то требовать». Устремленность – признак цивилизации, в которой есть господствующая раса, разноразличной требований – признак эпохи, когда направление утрачено и различные расовые души хаотично конфликтуют друг с другом, потому что господствовавшая раньше раса ослабела в результате смешения или антиотбора.

Вопрос о цивилизации неизбежно приводит нас к вопросу о господствующей в ней расе, которая придает цивилизации ее характерные черты, ее смысл и значение. То, что с точки зрения естествознания не имеет ценности, обретает особую ценность при изучении цивилизаций: ценность рас – в их творческом вкладе в определенную цивилизацию. **Ни одна раса на Земле не имеет ценности сама по себе. О ценности расы всегда можно**

говорить только применительно к цивилизации. Ценность расы это всегда ценность определенной расы для определенной цивилизации.

Часто повторяется одна и та же ошибка: нордическую расу восхваляют как «высшую», «самую благородную» как чуть ли не единственную создательницу цивилизации на Земле. Все это лишь крики рыночных зазывал. Для восточно-азиатской или африканской цивилизаций нашего времени примесь нордической (или любой другой чуждой) крови будет «неполноценной», так как ценность расы всегда познается лишь в соотношении с определенной цивилизацией, и нордическая кровь для африканских или азиатских цивилизаций будет разлагающим фактором. **Нордическая идея говорит только о незаменимой ценности нордической крови для германоязычных народов.** Для этих народов желательно увеличение процента нордической крови. Для них это «ценная» кровь, и нордическая идея призывает к защите нордической крови.

Из идеи незаменимой ценности нордической расы для немецкого народа вытекает отношение к столь злободневному сегодня еврейскому вопросу. **Упрек многих евреев, будто их «расу» (правильней сказать – расовую смесь, так как среди евреев представлены несколько неевропейских рас) считают «неполноценной», адресован не нордической идее, так как в соответствии с ней нет единого мерил ценности всех рас и народов: каждый народ создает свои собственные ценности.** Евреи для нордического движения неполноценны не сами по себе, а только с точки зрения нордически обусловленного наследственного фонда немецкого народа, как нордический человек является и должен быть «неполноценным» с точки зрения наследственного фонда еврейского народа, в котором преобладает переднеазиатская раса. Представленные в еврейском народе переднеазиатская и ориентальная расы, если они будут примешивать в кровь немецкого народа, в которую и так примешаны компоненты других европейских рас, еще и неевропейскую кровь, настолько изменят ее состав, что в конечном счете образуется европеоазиатско-африканское расовое болото, как в гниющей Римской империи и в отдельных кругах населения больших европейских городов.

Еврейская сторона обычно утверждает, что расово-мыслящие круги немецкого народа поступают совершенно несправедливо, отказываясь от кровного родства с евреями и в то же время принимая в свою среду лиц французского происхождения, таких как Шамиссо, Виллибальд Алексис, Гейбель и Фонтане, и целые семьи французских эмигрантов. У Канта, вероятно, были шотландские предки, у Клаузевица – польские, у Яна и Трейчке – чешские, фон Радовиц происходил из венгерской знати и т.д.

Но было бы бессмыслицей отвергать по расовым соображениям этих людей: они не вносили в расовую смесь немецкого народа новых примесей, а часто даже добавляли в нее нордическую кровь. Мы приветствуем иммиграцию здоровых нордических людей, особенно из Швеции и Норвегии, равно как и германизацию мазурских родов, так как мазурское население богато нордической кровью и дало Германии много известных людей.

В случае же с еврейским народом речь идет не о людях западного происхождения, а о народе, состоящем из неевропейских рас. Примеси этих рас могут изменить духовную ориентацию немецкого народа.

Самая серьезная опасность, исходящая от еврейства, этого «клина, забитого Азией в европейскую структуру», этого «нарушителя спокойствия» (М. Бубер), заключается в том, что евреи, чем верней они собственной сути, тем больше они стараются переориентировать немецкий народ на чуждые ему образцы. Во второй половине XIX века повсюду на Западе стал задавать тон дух, который способствует вырождению и ускоряет его. Этот «современный дух» особо одаренные евреи (Вейнингер, Гольдман) называют еврейским, а его невероятное влияние на

западные народы объясняется господством евреев в прессе (Гольдштейн) и в финансовой сфере (Зомбарт, Форд).

... Четкий выбор нордического образца для немцев позволяет нордическому движению идти по пути оздоровления немецкого народа с такой же ответственностью, с какой сионистское движение оздоравливает еврейский народ. Подобно тому, как еврей-националист не потерпит в своей области ничего чуждого, если он хочет создать свою цивилизацию, так и нордическое движение не потерпит евреев в своей области. **Для немцев, обновляющих немецкую цивилизацию, действительно то же правило, что и для евреев, обновляющих еврейскую цивилизацию:**

«Избегайте того, что не ваше, не терпите нарушения вашей внутренней гармонии» (Гете. «Годы странствий Вильгельма Майстера»). Ради своей цивилизации, мы не потерпим евреев среди нас, ибо как мы можем позволить им быть причастными к высшей культуре, корни которой они отрицают? Нордическая немецкая цивилизация должна быть для немцев такой же «высшей культурой», как для еврея – цивилизация, возникшая из еврейского духа. Любая цивилизация основана на ограничениях. Постепенно все ясней становится пророческое значение работы Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» (1874 г.).

Чем больше среди образованной немецкой и еврейской молодежи распространяются расовые знания, тем больше это способствует выяснению и сглаживанию противоречий между евреями и неевреями. Эти противоречия, когда к ним примешиваются религиозные и экономические проблемы, выливаются во взаимное поношение. Но корень еврейского вопроса можно увидеть только с этнической и расовой точки зрения.

Есть люди, которые упрекают представителей расовой теории в том, будто они возбуждают ненависть между народами. Но на самом деле германоязычные народы будут лучше понимать друг друга, если осознают свои общие расовые корни, **а все народы поймут, что война это антиотбор. Гильдебрандт был прав: «Ненависть между народами разжигает именно невежество в расовых вопросах».**

Так и в случае с противоречиями между евреями и неевреями. Чем больше знание расовых проблем и законов наследственности, тем профессиональней можно разрешать противоречия. **Сионисты это поняли и учат еврейскую молодежь, что любое приспособление евреев к нееврейской среде это «постыдное повседневное самоотрицание и самоунижение».** То же самое нужно сказать немцам: **любое приспособление немцев к еврейскому духу это постыдное самоотрицание.** По этой же причине нужно отвергнуть еврейский современный дух. С еврейской стороны уже проявляется понимание: нордическое движение называют «асемитским» в отличие от антисемитских движений, для которых расовый вопрос сводится к еврейскому вопросу. Нордическая идея это прежде всего идея увеличения процента нордической крови, она может быть направлена против других рас и народов лишь в том случае, если они мешают этому.

Гильдебрандт предлагает такое решение еврейского вопроса: «Симбиоз, духовное сообщество, без смешанных браков между евреями и неевреями». Такое сообщество мыслимо лишь в том случае, если как евреям, так и неевреям будет гарантировано свободное развитие их собственного духа. **Но еврейский народ имеет мощные средства власти – деньги, банки, прессу, различные общества, с помощью которых они могут влиять на нееврейские народы в чуждом этим народам духе. У нееврейских народов нет таких средств, они вынуждены все время защищаться от еврейского духа, а не заниматься развитием своего.** Пока эти народы не преодолеют «современный дух», предложенное Гильдебрандтом «духовное сообщество» немислимо. Основой сообщества

может быть только радость свободного роста обеих сторон. Предложение Гильдебрандта осуществимо, если евреи признают нордического человека за образец для немецкого народа.

«Стань тем, что ты есть», – это рожденное нордическим духом изречение греческого поэта Пиндара, который называл своих соплеменников «светловолосыми данайцами» (9-я Немейская ода), – ориентир для развития великих цивилизаций. Цивилизация для своего развития и утверждения должна оценивать, должна называть все возвышающее ее ценным, а все мешающее ей – неполноценным. Все чужое должно быть для нее менее ценным, чем свое.

Если цивилизация обратит взор на собственную жизнь, то для ее возвышения она опять должна оценивать, давать более высокую оценку своему творческому началу. Вопрос о цивилизации влечет за собой вопрос о ценности расы, так как цивилизация это выражение духовной сути, а духовная суть расово обусловлена.

Поэтому неверно утверждение Фечера в его брошюре «Основы расовой гигиены» (1924 г.), будто вопрос, какая из рас ценней, «это не научная задача, а только вопрос оценки, личной позиции». Этот вопрос, как уже было сказано, не может быть задачей естествознания. Расово-обусловленные явления выходят далеко за пределы ее сферы.

Гобино дал первый пример исследования значения расы для жизни народов как в истории, так и в природе. История, как наука, дающая оценки, должна принимать в расчет расовые силы. Рассуждения о ценности рас в ней уместны, но это не должны быть «личные позиции». Главное дело каждого народа и его вождей – следить за направлением своей цивилизации, используя достижения естественных наук. Нордическая идея возникает не из личных оценок, не из детской любви к светлым волосам и голубым глазам, а из анализа исторических законов жизни народов вообще и индоевропейских народов в частности. История должна давать оценки, и «установки» нордической идеи это следствие ее взгляда на историю с точки зрения расологии и расовой гигиены. С этой точки зрения определяются и возможности обновления немецкой жизни.

Брошюра самого Фечера наполнена оценками, так как расовая гигиена это наука, дающая оценки. Естествознание всегда может лишь сказать, что есть, но никогда, что должно быть. Зато расовая гигиена четко говорит о более и менее ценных наследственных задатках. Эти оценки она не может почерпнуть из природы, это человеческие оценки с точки зрения цивилизации. Наследственные задатки, способствующие развитию цивилизации, обладают большой ценностью, чем те, которые тормозят ее развитие (Ленц). Нордическая идея дает оценки с той же точки зрения цивилизации, что и расовая гигиена.

05. Раса, смешение рас и цивилизация

О «ценности» нордической расы недавно заговорили опять, на этот раз в США. Там во время мировой войны все экипажи проходили проверку на способность к оценкам (не на уровень образования). При этом выходцы из Северо-Западной Европы (где преобладает нордическая раса) набрали больше всего пунктов, меньше – выходцы из Южной и Восточной Европы и меньше всех – негры.

«Ценность» нордической расы Гильдебрандт считает несомненной. Но он справедливо ставит вопрос: «Если нордическая раса является творческой сама по себе, то является ли она творческой именно как чистая раса?» И дает такой ответ: «История как будто доказывает противоположное. Высшая жизнь возникла там, где нордическая раса, хотя и была ведущей, смешивалась с другими и заимствовала у них культуру. И для Германии действительно то, чему учит мировая история. Сердце немецкой культуры – не расово чистый Север, а смешанные рейнские земли». О том, что центры духовной жизни образуются не среди расово

чистого, а среди расово смешанного населения, указывал еще в 1857 г. французский анатом и расолог де Катрфаж.

Де Катрфаж и Гильдебрандт затронули основные вопросы возникновения великих цивилизаций. Аналогичные взгляды были высказаны в «Расологии немецкого народа»: «Я склонен предположить, что большинство всех взлетов цивилизаций произошло на базе наложения друг на друга двух рас и сил, развившихся в результате взаимодействия ведущих и ведомых». «При каждом «закате» народа и цивилизации встает вопрос, не исчезла ли раса, господствовавшая в данном народе, и что это была за раса? Вполне вероятно, что значение нордической расы в жизни индоевропейских народов соответствует значению эфиопской расы в жизни многих африканских племен, особенно говорящих на хамитских языках».

Когда «сердце немецкой культуры» билось в рейнских землях, их население, в котором преобладала нордическая раса были не столько расово смешанными, сколько расово расслоенными. **Не расовое смешение представляется мне важной причиной расцвета цивилизаций, а расовое расслоение.** Однако за расовым расслоением всегда и везде следует расовое смешение. Это происходит в том случае, если высшему слою не свойственно особое чувство крови или оно утрачено.

Еще более поучителен пример более высокого уровня цивилизации в рейнских землях по сравнению с менее высоким на средневековом немецком Севере. Даже самая чистая и самая творчески одаренная раса нуждается в стимуле для создания цивилизации. В рейнских землях процесс усвоения цивилизационного наследия греко-римского и христианского мира создавал некоторую напряженность, всегда являющуюся условием создания цивилизации. На севере Германии нужно было сначала создать среду, чтобы вообще была возможна цивилизация. Здесь имелся лучший расовый материал, но он еще нуждался в отделке. На Рейне, где почва была уже подготовлена к принятию зерен цивилизации, отделка того же расового материала произошла. Нордическая раса всегда проявляла способность к творчеству, но для самого творчества нужны стимулы. На эту взаимосвязь указывал Пенка: «Ценных расовых задатков недостаточно для развития высокой культуры. Только возникновение господствующего слоя и основание городов делают это возможным».

Стимулом может стать и новая среда, весьма отличная от той среды, из которой переселилось нордическое племя, где в результате отбора образовалась нордическая раса. Цивилизация любого индоевропейского народа – особый ответ нордического племени на вызов судьбы в лице завоеванной области и покоренного населения. Решающий и для творческой расы стимул возникает в результате расслоения рас: верхний слой – нордический, нижний – не нордический. Напряжение сильнее, если нижний слой (лучший пример – древняя Греция) сам уже создал высокую цивилизацию, гораздо более развитую, чем у нордических пришельцев. Последние пришли в Грецию, не имея письменности; они строили деревянные избы; их цивилизация была еще в зачатке. Какие же мощные стимулы они получили, когда стали править нижним слоем, обладателем письменности и утонченной цивилизации! Эти стимулы развили огромные творческие силы: возникла нордически обусловленная эллинская цивилизация. Расовое расслоение было важной причиной ее возникновения, расовое смешение – его неизбежным следствием, еще одним – исчезновение творческого верхнего слоя нордической расы. Итогом стал «закат» эллинского мира в результате вырождения и денордизации. Был ли такой конец неизбежен? Фатальна ли такая судьба народов, как думает Шпенглер? До него так же думали де Кандоль («История наук и ученых за два века», 1873) и Рибо («Наследственность», 1876), Нордическое движение дает на этот вопрос отрицательный ответ.

Предположение Гильдебрандта, что расовое смешение может стать причиной расцвета цивилизаций, трудно опровергнуть, потому что за расовым расслоением обычно быстро следует расовое смешение. Еще трудней, однако, опровергнуть тезис Гобино, что расовое

смешение ведет к распаду цивилизаций. Оба вывода сделаны на основании наблюдений за судьбами народов. Нордическая идея должна объяснить противоречие между ними.

Для нордической идеи причина создания цивилизаций не расовое смешение, а расовое расслоение и лишь до тех пор, пока господствующий слой достаточно силен численно и в плане психического здоровья, чтобы служить образцом для всего народа. Если нордический слой слишком тонкий, многие его роды вырождаются или смешиваются с ненордическими родами. При исчезновении верхнего слоя в жизни народа наступает момент, когда идеал героя блекнет и рушится. Нижний слой пытается создать другой идеал, для чего ему нужно сначала разрушить цивилизацию, созданную на основе прежнего. Наступает время без идеалов, когда все подвергается сомнению и разложению, господствует релятивистский подход, силы исчерпывают себя во взаимном отрицании настолько, что «закат» становится неизбежным. Такой в Греции была эпоха софистов. Когда Платон преодолел их дух и захотел создать новые государственные идеалы, его народ был уже не способен к творчеству, и Платон остался в одиночестве. Ненордические расы, которые придали свои черты позднему эллинизму, были недостаточно способны к созданию цивилизации.

Расовое расслоение всегда создает цивилизацию, если господствующая раса творческая. **Расовое смешение не представляет опасности, пока в народе сохраняется ядро чистой творческой расы.** Но такое ядро чисто нордической расы сохранилось сегодня только в скандинавских народах. Если, как полагает Гильдебрандт, расовое смешение – причина создания цивилизаций, то в любом случае в расово смешанном народе должно быть достаточно чистой крови творческой расы, чтобы сама эта кровь не оказалась под угрозой в результате смешения, смешанный народ должен постоянно ее воспроизводить. **Нельзя доводить смешение до исчезновения крови творческой расы. Если в смешанном народе сохраняется постоянная пропорция смешения рас и ядро чистой творческой расы, нет оснований для опасений.** Но в западных народах из-за исчезновения нордической крови в результате антиотбора расовое смешение уже давно оказывает не созидательное, а разлагающее действие, что Гобино считал признаком того, что сегодня называют «закатом Европы». Если бы расовое смешение, как полагает Гильдебрандт, было причиной создания цивилизаций, то XIX век был бы в Западной Европе веком расцвета творческих сил во всех областях.

Стремление к чистоте нордической расы, к увеличению процента нордической крови в Германии долго еще не приведет к «слишком большой» расовой чистоте, как боятся некоторые; немцы не станут более нордическими, чем шведы. Первая задача нордического движения та же, что ставит и Гильдебрандт: создание идеала для немецкого народа. «Нужно создать образ нордического героя», – пишет Гильдебрандт, автор книги «Норма и вырождение человека» (1923)...

Расовый анализ шведского и норвежского народов в какой-то степени подтверждает предположения Гильдебрандта. На этом нужно остановиться, потому что и с этой стороны делают выпады против нордической идеи. Так иногда утверждают, что достижения Швеции и Норвегии, двух самых нордических стран, не столь велики, как следовало бы ожидать согласно идее о значении нордической расы. Мюнхенский журнал «Натур унд Кultureн» (май 1926) написал даже, что шведы «очень мало дали человеческой культуре». Может быть, нашлись читатели, которые этому поверили. Но не так легко сравнивать достижения Швеции и Норвегии с достижениями других стран. Следует учитывать, что в Германии, Англии или США нордических людей больше, чем в Швеции и Норвегии, если брать общую численность, а не проценты от всего населения, в Швеции и Норвегии весьма малочисленного. Шведский анатом и расолог Бакман писал: «Если мерить цивилизацию не абсолютным количеством творческих личностей, а относительным, то чистокровные народы Севера опередают народы всех других стран Европы».

Я долго жил в Швеции и Норвегии и могу утверждать, что народы этих стран в среднем более одарены и более способны к оценкам, чем любой другой европейский народ.

В Германии очень заметны различия в одаренности между верхними и нижними слоями населения, в Швеции и Норвегии все слои населения одарены примерно одинаково...

... Из Швеции и Норвегии всегда шел широкий поток эмиграции. В этих странах очень много людей с качествами руководителей, которые не находят применения этим качествам у себя на родине. В США живет почти столько же норвежцев, сколько в Норвегии. Газета «Канзас Сити Джорнал Пост» от 19 апреля 1923 г. напечатала большую статью «Шведы как американские граждане», в которой дана высокая оценка шведам, как гражданам высшего сорта...

... Несмотря на нынешнее миролюбие Швеции и Норвегии, их жители не утратили своих воинских качеств. Это доказали своим примером сотни шведских добровольцев, которые участвовали в гражданской войне в Финляндии на стороне «белых»...

... Та же самая нордическая раса выглядит в Германии или в Англии иначе, чем в скандинавских странах. Черты скандинавов мягче, дружелюбней, спокойней, а их собратьев по расе в странах, где жизнь более напряженная, а конкуренция более сильная – жестче, напряженней...

Германии понадобятся века, прежде чем ее население станет таким нордическим, как этого боятся те, кто утверждает, будто расовое смешение стимулирует развитие цивилизаций. Над немецким народом еще долго будет висеть опасность расового смешения, на которую указывал Гобино. Нордическое движение хочет сначала образовать ядро чистой нордической расы, а потом уже думать о том, не опасна ли «слишком большая» чистота. Для сохранения определенного уровня цивилизации индо-европейских народов в них должно постоянно наличествовать ядро нордической расы. Если это ядро исчезнет или будет уменьшаться, сломаются опоры этой цивилизации и ее «закат» станет неизбежным. Лучше, если народ обладает хорошими наследственными задатками к обучению, а не охвачен системой «всеобщего образования». Но хуже всего для народа, если его система образования работает на разложение, как в эпохи без идеалов...

Есть более глубокая основа для возникновения высоких, нордически обусловленных цивилизаций в Центральной, Западной и Южной Европе, и эта основа не указывает на расовое смешение как на главную причину возникновения этих цивилизаций. Гильдебрандт затронул вопрос о «тоске северного человека по югу», но он зашел слишком далеко, объясняя только этой тоской все переселения нордических племен на юг с доисторических времен. Устремление на юг это (не только, но и) устремление к высшим нормам жизни. Нордический человек почувствовал, что у себя, на севере, он не сможет достичь своего высшего смысла.

По Гильдебрандту, устремление на юг это неосознанная тяга к расовому смешению и к гибели. Да, это устремление к высшему развитию жизни, но это высшее развитие возможно только при расовом смешении – юг не был необитаемым. Устремление на юг это «метафизическое устремление» (Гильдебрандт).

Но устремление к высшему развитию жизни это нордическое качество. Оно воодушевляло нордических эллинов и сегодня воодушевляет нордическое движение, которое чтит и любит древнюю Грецию, особенно ее ранний период. Нордическая раса долго подвергалась жесткому отбору в суровых условиях своей прародины на северо-западе Европы. Этот отбор создал «фаустовский мир». Как говорил Ницше, «тип становится твердым и сильным в условиях длительной борьбы с постоянно неблагоприятными внешними воздействиями». Эти суровые условия не оставляли места для радости, беззаботности и красоты.

Тот, кто знаком с жизнью рыбаков и моряков Северной Норвегии, может себе представить, как среда создавала расу. Условия на прародине нордической расы были еще более суровыми. На юге же нордические наследственные задатки были освобождены от необходимости повседневной борьбы со средой. Нордическая раса всегда с интересом вглядывалась в окружающий мир, но только на юге у нее появилось время для созерцания и она смогла получать радость от этого созерцания. Об этом говорит мудрость древней Индии и философия древней Греции. Только у эллинов появилось то, что мы называем их жизнерадостностью. Любовь к идее, платоновский Эрос, созерцательное воспарение к вершинам духа – все это стало возможным только в менее суровой среде. На нордической прародине этому соответствуют ярость против всего, что не есть идея, *furor teutonicus* при самоутверждении несмотря на неблагоприятные обстоятельства, *amor fati*. Но у древнего Севера и Эллады есть одно общее: это героическое начало.

И грекам, и германцам в равной мере свойственны идея судьбы, героическое движение навстречу судьбе. То же самое мы находим в римских добродетелях *gravitas* и *virtus*. Мужество в борьбе с роком это и есть для нордического человека свобода. Дейссен неправ, полагая, что в сути человека вообще понимание роли свободы в создании цивилизации. В соответствии с духовной сутью нордической расы эта идея представлена у трех философски наиболее одаренных народов нордического происхождения – у индусов, греков (Платон) и немцев (Кант).

То, что цивилизации южных индоевропейских народов обогнали в своем развитии народы Центральной и Северной Европы, а также факт распространения цивилизации из Передней Азии на запад и северо-запад (в Индии идею свободы поняли за 1000 лет до н.э., Платон развил ее в V-IV веке до н.э., а Кант – в XVIII веке н.э.) раньше объясняли более высокой одаренностью южных рас. На самом же деле это было результатом освобождения нордических племен на юге от бремени борьбы со средой. Здесь нордический человек смог вздохнуть свободно, оглядеться по сторонам и наконец в Греции обрести радость в развитии тела и души, которую люди часто приписывали богам, но боги представляли в виде возвысившихся людей. Отсюда и разница между нордическими племенами, живущими на севере и на юге, между германцами и эллинами: «Одни черпали жизнь горстями, могли жить мгновениями, углубляться в горе и в радость, выражать свои переживания в словах, другие же не могли ограничиваться моментом и всегда смотрели в будущее. Одни жили человеческой жизнью, другие – жизнью рода».

В древней Греции и Риме, Индии и Персии нордические завоеватели господствовали над поработанными аборигенами. Это освободило господствующий слой от повседневных забот. На севере эти люди были крестьянами и вели повседневную борьбу со средой. На юге они стали господами и смогли обратить все свои творческие силы на создание цивилизации. Они получили свободу для построения государства, физических упражнений, украшения своих домов и городов, организации праздников. Юг помог этому своей природой и услугами своих низших слоев. Творческие силы нордической расы, скованные на севере средой, были развязаны.

Таковы основные причины возникновения индийской, персидской, греческой и римской цивилизаций. Расовое смешение и антиотбор нордической расы были последствиями захирения нордической силы на юге...